

МИХАИЛ ОДНОБИБЛ
ВЕРОНИКА КУНГУРЦЕВА

дольметч

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРРОДІЄШІ

Вероника Кунгурцева

Дольмен

ИД «Городец»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кунгурцева В. Ю.

Дольмен / В. Ю. Кунгурцева — ИД «Городец», 2019

ISBN 978-5-907085-08-4

Елена, пожилая женщина, получившая в наследство домик, находит в печи не до конца сгоревшую таинственную книгу и, воспользовавшись рецептом из нее, становится подростком. Жизнь и приключения старушки в теле девочки, – которой приходится заново налаживать отношения с семьей, а также вновь отправляться в школу, причем на ее пути то и дело возникают чудовища, то ли мифические, то ли вполне реальные, – составляют сюжет этой кавказской феерии.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-08-4

© Кунгурцева В. Ю., 2019
© ИД «Городец», 2019

Содержание

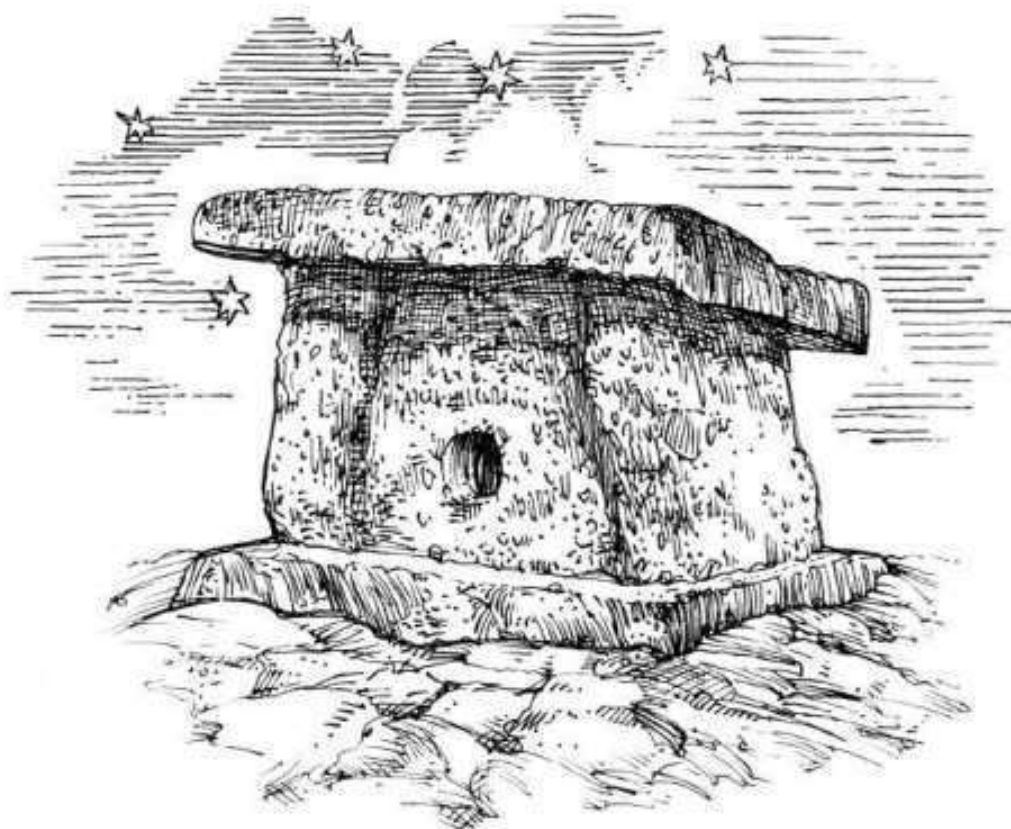
Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Однобибл и Вероника Кунгурцева

Дольмен

*Нашим матерям, Маргарите и Екатерине,
посвящается эта кавказская повесть*

Часть I Бабушка и внук

Заметка из газеты «Русские ведомости» за 1864 год

*Случай, рассказанный нашему корреспонденту на Кавказе пластуном станицы Новоде-
ревянковской Мартыненко.*

*В самый разгар боя на смежной вершине, из каменной хатки, как назвал это мало-
росс, вылез громадный великан, потревоженный шумом боя. Он снял покрывку с хатки, весом
не менее 1000 пудов, положил ее на ладонь, а сверху посадил маленькую и юркую женицину,
видимо, свою жинку. Та, удобно, словно на диванах, устроившись на покрывке, болтала нож-
ками, обутыми в красные чупяки, и залиvisto хохотала, не обращая внимания на шум ружей-
ной пальбы. Один из пластунов попытался подстрелить богатыря, но промазал. Великан,
оглядываясь и громко ругаясь, скорым шагом пошел в гору. Самое интересное, что ругался
богатырь, как уверяет Мартыненко, на чистейшем русском языке. Впрочем, остальные пла-
стуны этого не подтверждают, мол, из-за шума боя слов не разобрали. Полковник Бабич,
руководивший вылазкой и, по словам пластуна, также видевший великана, к сожалению, погиб
в ближайшем бою. Мартыненко и пятеро бывших с ним пластунов клятвенно заверяют, что
перед боем ничего горячительного не употребляли, а в том, что чупяки жинки были именно
красные, готовы побожиться. Выводы из сего случая читающая публика может сделать
сама.*

Глава 1

Наследство

Солнце валилось за гору – и мир постепенно слеп. Елена поднималась вверх по крутой каменистой дороге, со всех сторон окруженной прозрачным буковым, с примесью граба, лесом, – догоняла солнце, которое не успело укрыться за краем горы; с каждым шагом вверх кровавый глаз светила, запутавшийся в переплетении ветвей, выглядывал, шутовски подмигивая, из-за пляшущей линии горы. Склоны кряжа поросли кизилом, терновником, ожиной, на полянках цвели январские цветы: фиолетовые и бледно-сиреневые цикламены, матово-белые вислоухие подснежники; а морозники на прямых высоких стеблях жались поближе к стволам.

Елена совсем запыхалась, сердце колотилось, подступая к самому горлу, то и дело она останавливалась, отдуваясь, хотя шла не скоро да и сумка была не тяжелой. Когда наконец поднялась, наградой ей стал круглый веселый глаз, который окончательно выскочил на синий, в белых нарядных облаках, небосклон. На севере небосклон подпирали троица далеких островерхих снеговых вершин: в середине самая высокая пика-гора, по краям две пониже, троица грезилась позади волнистой линии близких дымчато-бежевых хребтов с мазками вердрагонового плюща, по самое горло затянувшего длинные лесины.

Поселок состоял из ладных двухэтажных домов, с обязательной каменной лестницей снаружи, огражденной балясинами, чаще всего лестница громоздилась на переднем плане, и два ее конца, как каменные лапы, сходились потом в единое ступенчатое туловище. Елена прошла поселок насквозь довольно скоро, ступив с горной дороги в его середину. Домик, доставшийся ей в наследство, стоял на краю обрыва.

Елена просунула руку между досками серой калитки и подняла засов. Покатый участок земли, обнесенный покосившимся штакетником, – тогда как давно все хозяйства в округе загорожены были или металлопрофилем, или сеткой-рабицей, – оказался мал и пуст, садовых деревьев – раз-два, и обчелся. Раз – это огромная старая груша-дичка, раскинувшаяся над сараем-дровяником, где громоздились поленицы дров, два – росшая за домом яблоня сорта «доктор Фиш», ну и три – небольшой виноградник, разбитый в углу огорода; виноград, как объясняла соседка, приглядывавшая за пустым домом, был дрянного винного сорта, с толстой сизо-фиолетовой кожурой и множеством косточек.

Поднявшись на цыпочки, она сунула руку в длинное дупло грушевого, в три обхвата, дерева и обнаружила на трухлявом дне ключ. К домику вела узкая тропинка, петлявшая среди сорняков, всю зеленеющих и зимой. Домишко был маленький и плохонький, такой уже старый, что удивительно, как еще держался на ногах, а ноги его – это сваи по углам, сложенные из камня-бутяка, толстые и длинные, потому деревянная лестница с хлипкими истертыми ступенями и шаткими перилами, которая вела на открытую веранду, оказалась крутенька.

Смотреть на дорогу домик не хотел, три подслеповатые оконца выходили на зады дома, на обрыв. Сложен он был из мощных каштановых бревен, потому и не сгнил за невесть сколько лет. Бревна – коричневые, цвета потемневших от времени икон, на которых смутно различимы лики древесных святых, – казалось, вот-вот раскатятся, разрушив форму человеческого жилища. Веранду затянул вечнозеленый пятипалый плющ; крашенная красной краской дверь облупилась. На двери с железной накладкой висел громадный замок, каких уж и не выпускают, ключ легко вошел в скважину и мягко повернулся.

Протяжно заскрипев, дверь отворилась: в крохотную переднюю, или спальню, или кухню – в комнатенке стояла и старая железная кровать на колесиках, покрытая каким-то ужасно замасленным коричневым покрывалом, с горой подушек, одна другой меньше, и кухонный стол с дверками, закрытыми на самодельную вертушку; столешница заставлена разномастной кухонной утварью. Возле стола стояла лавка, покрытая домотканым полосатым половиком, у

окна, впритык к кровати, поместился зеленый кованный сундук, тоже закрытый на висячий замок.

Елена подошла к сундуку: замочная дуга оказалась только приткнута к замку, он открылся без ключа. В сундуке лежали тряпки: крепдешиновые и креп-жоржетовые платья моды тридцатых – сороковых годов; коричневый костюм из бостона – прямая юбка и жакет с ватными плечами; несколько штапельных отрезков; белый медицинский халат с пожелтевшими костяными пуговицами; платки – фиолетовый с люрексом, белый ситцевый, с мелкой вязью голубых цветочков по краям, и несколько побитых молью кашемировых. Вся одежда была слежавшаяся и влажная. На дне сундука Елена нашла черную шаль с кистями, в огненных розах, – единственное, что было ценного в этом сундуке. Под шалью обнаружилось потертое портмоне, в котором лежали документы: свидетельство о рождении за 1890 год, паспорт нового образца, пенсионное удостоверение, военный билет, диплом об окончании медицинского техникума – глазное отделение, – выданный в 1949 году. «Интересно», – подумала Елена. Получалось, старуха окончила техникум в 59 лет!

Слева от входа, рядом с вешалкой, наклонно висело поясное зеркало, засиженное мухами до черноты. Елена, глянув в него, смутно различила за черной кисеей себя – толстую тетку с печальным лицом, на брови налезал вязанный из синтетики, дустрый берет. Зеркало так искажало черты лица, что человек, в нем отраженный, казался моложе.

Устье большой русской печи тоже было справа, а запечье протянулось во вторую, смежную комнату, которая оказалась совершенно пустой, если не считать множества растений, росших здесь при минимуме божьего света, проникавшего сквозь окошечки, в горшках, чугунах, старых ведрах, продавленных кастрюлях, кадках, бидонах, зеленея на все лады и оттенки. Некоторые она знала: огромный фикус в бочке, столетник, достававший до потолка, перистое каланхоэ с детками, вылезшими по краю листьев, – Елену так и бросило в дрожь, будто сквозь кожу ладоней проросли какие-то мелкие существа. Сухие растения, связанные в длинные и короткие пучки, превращаясь в труху, висели где придется: под потолком, по бокам наличников, во всех углах, на веревках, беспорядочно протянутых туда и сюда. От избытка растительности, мертвой и живой, в комнате стоял одуряющий волглый запах. Только Елена собралась захлопнуть дверь в не людскую комнату, как откуда-то сверху с протяжным, ей показалось, человеческим, криком бросилась на нее черная птица. Елена, вскрикивая, вспомнила: это был ручной ворон, соседка говорила про него. Как же его зовут-то? Загрей, вот как.

Ворон, задев лицо крылом, уселся ей на плечо, причем больно вцепился лапами, а плащ-то новый, Елене было жаль, что птица покорезит ткань, а то и порвет когтями, но и согнать ворона она не решилась. Это была могучая птица, величиной с орла и, наверное, очень старая: края тусклых черных перьев поседели. Ворон, взъерошенный и даже вроде как мокрый (соседка говорила, что он пропадал где-то после смерти хозяйки, думали, что вовсе улетел), заглянул ей в лицо, едва не ткнув длинным клювом в глаз.

– Ладно тебе, – сказала Елена, – есть, что ли, хочешь? Сейчас накормлю. Чего же они едят-то? Зернышки какие-то? А у меня только хлеб, сыр да колбаса с собой. Да нет, какие зернышки, это же не воробей, ворон – хищная птица.

Ворон опять посмотрел ей в глаза, раззявил клюв – улыбнулся, показалось, – и вдруг каркнул не по-русски: «Сесьппуна!»

– Чего, чего-о? – оробела Елена.

Ворон явно сказал какое-то слово, впрочем, вороны ведь поддаются дрессировке и умеют повторять за людьми, как попугаи.

– Сам ты сесьппуна, – урезонила она птицу, возвращаясь в переднюю комнату.

Достав городскую булку и докторскую колбасу – меню для ворона, – она вышла с птицей на плече на веранду и только хотела раскрошить булку, как вдруг ворон, изловчившись, на лету вырвал у нее из рук колбасу и стал расклеивать кусок на дощатом полу веранды, стуча

клювом, как заправский дятел. Моментально разделавшись с колбасой, он с шумом порскнул вверх, на перекладину и внятно сказал: «Меликупх».

– Мелет чего-то! – рассердилась Елена. – Переводчиков тут нет. Хочешь болтать – говори по-русски.

Она подождала немного, глядя вверх, на черную птицу, застрявшую среди густого плюща, но так как ворон, наверно, из птичьей гордости решил не отвечать, даже морду отвернул в сторону леса, она пошла обратно в дом, но на пороге обернулась и позвала:

– Залетай, что ли?

Ворон, склонив голову набок, прокаркал: «Загрей! Загрей! Загрей!»

– Чего раскричался, – осердилась Елена, – знаю, что Загрей. И что дальше? Может, еще по фамилии тебя называть прикажешь? Или по отчеству: Загрей Загреевич?

Но ворон, не слушая, уже выкарабкался в промежуток среди зарослей плюща и вылетел наружу. Елена покачала головой: обиделся, что по имени не позвали, вот тебе и птица! Она выглянула в дверной проем между двумя столбами, посмотрела в обе стороны, чтоб понять, куда он девался, но ничего не увидела: наступили скорые зимние сумерки. Захочет – вернется, решила Елена, что она, гоняться будет за ним, больно надо, ушла с веранды и захлопнула за собой входную дверь.

Прежде в доме она, почитай, и не была, хоронили хозяйку, ее бабушку, от соседей – тут было негде повернуться; бывала она у бабки при ее жизни всего раза четыре, последний – незадолго до смерти старухи, и дальше порога ее никогда не пускали. Поэтому наследство, как снег свалившееся на голову, очень ее удивило, а обрадовало совсем мало – какая корысть может быть в этой развалюхе, а косой участок земли, расположенный высоко в горах, стоил копейки. Почему наследство досталось именно ей, а не той же Клаве, например, тоже внучке, понять было невозможно, видать, бабка решила, что на безрыбье и рак рыба, а может, оставляла домик по жребью, написала имена немногочисленных внуков-правнуков, бросила в шапку, вон в ту, баранью, с красным верхом, что висит на стене, над ватниками и плюшевыми жакетками, выгащила «Елену» – вот ей наследство и досталось. Кстати сказать, остальные внуки-правнуки общались с бабкой-прабабкой еще реже, некоторые впервые увидели ее только на съемках.

Месяца три назад дочка Елены, корреспондент известной московской телекомпании, решила снять сюжет о прабабке-долгожительнице, по всему выходило, что она оказывалась старейшей местной жиличкой. Хоть родилась бабушка на Кавказе, но была чистейшей кацапкой и в то же время носила присвоенное грузинами имя Медея; впрочем, поселок населен был по большей части армянами да грузинами, может быть, это и сыграло роль в выборе имени. По документам ей выходило без малого 130 лет, но так как, во-первых, дата получалась не круглая, а во-вторых, что-то уж совсем несообразным оказывался возраст старухи, даже и на подлог смахивало, а конкурирующие телеканалы, а также вездесущие сайты, конечно, ежели что, быстрехонько докопаются до истины, то Алевтина, правнучка, и решила скостить возраст прабабушки до приличных 107 лет. Кстати, и выглядела бабка Медея совершенно возмутительно: не по годам молодцевато. Между последним разом, когда Елена видела бабушку, и тем, который ему предшествовал, оказался промежуток лет в 20, – и она поразилась, насколько бабка мало изменилась.

Телевизионная «Волга» с сине-красными буквами НТФ на дверце – чтоб все видели, кто едет! – еле поднялась по горной дороге, которая только до середины пути оказалась забетонирована, потом шел гравий, а в конце, на участке самого крутого подъема, дорога осталась в чем мать родила: в осенней, после двухнедельного ливня, грязи и в камнях, вымытых потоком и насыпавшихся с соседнего склона. Елена ехала в «Волге», как путная, вместе Алевтиной, дочкиным оператором Витей Поклонским и внуком Сашей, который бабке Медее, между прочим, доводился уже праправнуком. Двоюродная сестра Елены Клавдия с сожителем Геннадием и младшей дочкой Лидой, засидевшейся в девках – у Лиды с детства был избыточный вес, –

ехали по-простому в «газике», да скоро важную «Волгу» и обогнали, Геннадий, сидевший за рулем, еще и посигналил при обгоне и ручкой сделал. У Клавы, в отличие от Елены, имелись еще дети, которые жили с семьями в других городах, но они на родину ради сомнительного удовольствия попасть в телевизор не поехали.

Алевтина всю дорогу оборачивалась с переднего сиденья и ворчала, что так мало народу.

– Ну что это, Витя, – говорила она Поклонскому, – столько лет на свете прожила, а потомков нету, их трое да нас трое. Тут население города должно быть! Ну, в крайнем случае, села, а это что, курам на смех, хоть соседей каких-нибудь нагнать, что ли?!

Толстяк Поклонский, косо держа камеру, раструб которой больно упирался Елене в бок, говорил:

– Ничего, Аля, не бойсь, такой материал, бомба будет, это я тебе говорю! Синхрончик бы только хороший, но тут уж дело за тобой.

– А что ж ты своего не позвала, для количества? – встряла в разговор Елена, но Алевтина так посмотрела на нее, что она тут же и заглохла.

Алевтина находилась в состоянии развода, известном до боли самой Елене, она уж приняла свои мучения пять лет назад, а дочке все самое мерзкое еще предстояло. И вмешалась-то она в разговор, только чтоб что-нибудь сказать, уж больно не по себе было: водитель, оператор и Алевтина говорили только промеж собой, а они с Сашей всю дорогу молчали, вот и решила сдуру высказаться. Потом стало еще неуютнее, а впереди съемки, и кто его знает, согласится ли строптивая бабка сниматься. Алевтина почему-то рассчитывала на мать: ты же бывала у нее, уговоришь, да, может, и не будет никаких проблем, может, она в восторге будет, некоторые любят сниматься, тем более для центрального канала. Но проблемы оказались, да еще какие!

«Волга» развернулась на бугре, рядом с «газиком», неподалеку от гигантского раздвоенного дуба, земля под которым была изрыта свиньями, стадо огромных, черных с белыми пятнами, свиней – настоящие бегемоты! – и сейчас валялось под деревом. Алевтина, только они вышли из машины, указала оператору на свиней, чтобы поднял их. Тот нацелился камерой, но одно из свино-чудищ, всхрипнув, ринулось на оператора, который бросился к машине и успел-таки запереться изнутри раньше, чем «бегемот» догнал его. Машина, как предмет известный, хряка не заинтересовала, и он с равнодушием победителя развалился у колес «Волги». Поклонский, с опаской оглядываясь, вылез с другой стороны машины. Елена слышала, что здешние свиньи – помесь домашних с кабанами, оттого они такие громадные и злые, поэтому Витя еще легко отделался.

Спускаясь к ограде, издалека заметили троицу, прибывшую прежде их на «газике», и четвертую – прямую, стройную, малорослую женщину, загородившую собой калитку. Многие, конечно, ожидали увидеть высохшую согнутую в дугу старушонку с клюкой, но Елена, помня, как бабушка выглядела двадцать лет назад, в свои... сколько там ей было? больше ста, во всяком случае, – чуяла, что клюки-то уж точно не будет, но то, что она увидела, потрясло и ее.

Алевтина дала знак оператору, и он, водрузив на плечо камеру, на ходу принялся снимать происходящее. Елена, приближаясь, поняла, что выглядит бабушка ну разве чуть старше их с Клавой, может, морщин чуть больше, зато щеки не обвисли, нет трагических складок, идущих от носа книзу, и, главное, живота у нее, в отличие от внучек, нет и в помине, хотя и старческой, немощной сухости тоже не наблюдается. Долгожительница была женщиной, что называется, в соку, правда, с очень неприятным горбоносим лицом. Клава, чем-то разобиженная, резко повернулась к подошедшим и, пожимая плечами, объясняла, что у старухи, видать, маразм. Медея хриплым голосом долдонила, что знать никакую Клаву не знает, сыновья у нее Леня да Саша были, да потопли, море разозлив, а какая такая Клава, внучка-самозванка, тут объявилась, она про такую и не слыхивала. Одетая старуха была в какое-то рвань: мужской пиджак с протертыми до дыр локтями и обтрепавшимися рукавами, размеров на пять больше, чем нужно, нечистую сатиновую юбку и обута в калоши, надетые на шерстяные носки, в проме-

жутке между концом юбки и носками выглядывали голые ноги. Они же все, ради съёмок, вырядились, даже прически сделали в кои-то веки. Елена поймала мимолетный старухин взгляд из-под нависших бровей, которые не мешало бы подстричь, ей показалось, что бабка ей подмигнула, или не ей? Глаза у бабушки оказались пронзительно голубыми и вполне могли посоревноваться цветом с осенним небом, раскинувшимся близко над ними, но выражение их было до того странным, что Елена невольно поежилась, как будто заглянула в глаза птицы. Волосы, гладко зачесанные, даже не седые, а природного мышинного цвета, старуха полуприкрыла светлым кашемировым платком, концы завязала сзади, на шейной ложбине. А внучки-правнучки все, как одна, оказались крашенные: и Елена, и Клава, и Алевтина, слегка начинавшая седеть, и ни капли не седеющая тридцатилетняя Лида – все красили волосы в разные оттенки бордового цвета: рубин, коралл, баклажан, ну и у Лиды – ураганное торнадо.

Медея сунула руку в карман своего замызганного пиджака, точно залезла в 41-й год, и достала оттуда какую-то невероятную самокрутку, свернутую из газеты, коробок спичек и, запалив конец папироски, пустила дым Лиде в лицо. Витя Поклонский, отскочив в сторонку, все целился своей камерой в толпящихся по эту сторону ограды и в старуху, глумливо курившую самосад и не пускавшую гостей во двор.

Тут вперед вышла Алевтина и закричала – видимо, решив, что старуха такого возраста должна быть туга на ухо:

– Бабушка Медея, вы ведь у нас знатная долгожительница, в Москве об этом прознали и послали меня, вашу правнучку, чтобы сделать репортаж. Людям ведь интересно посмотреть на вас, увидеть, как вы живете, как вам удалось дожить до такого возраста – и остаться молодой.

Бабушка Медея продолжала невозмутимо курить, поэтому Алевтина к концу подобострастной речи слегка сникла.

– Вот тут собрались ваши внуки, правнуки, – тем не менее продолжала она, разгоняя клубы самосадного дыма, – это Саша, уже праправнук, Саша, иди сюда, чего ты там хорошишься.

– Не хочу, – буркнул Александр, все это время сидевший на корточках в сторонке.

Он и прежде все талдычил, что так нельзя, нехорошо это, то знать не хотели бабушку, а тут вдруг ради телесюжета, напоказ, заявятся. Елена объясняла ему, что бабушка эта бросила своих детей: ее отца, Александра, ему уже прадеда, и Леонида, Клавиного отца; воспитывали их чужие люди, поэтому и внучки считали за бабушку совсем другую женщину.

– Да когда это было! – спорил внук. – Давно пора простить старуху.

– Вот и простили, – говорила Алевтина, – и не вмешивайся, когда тебя не спрашивают.

Но оказалось, что их «прощение» нужно было бабушке, как телеге пятое колесо. Медея, докурив свое самосадное изделие, неожиданно вся затряслась в беззвучном смехе, гости, пораженные, уставились на нее, отсмеявшись, старуха заговорила, презрительно поводя плечами:

– Красноголовики какие-то, отродясь у нас в роду не было рыжих, да еще таких! Самозванцы! Тьфу на вас! Один только парень не рыж, эй, парень, подь-ка сюды, ты, что ли, будешь Александр?

– Ну, я, – откликнулся Саша, подходя и глупо здороваясь.

Оправившаяся от наскака старухи Алевтина в это время говорила:

– Да мы крашенные просто. Мода такая.

Но Медея не слушала, она открыла наконец калитку, но только затем, чтобы самой выйти наружу. Старуха дотянулась рукой до лба верзилы Александра, Елена подумала, перекрестить хочет, Поклонский с камерой на плече выплясывал вокруг, но Медея откинула со лба парня светлые волосы и высмотрела родимое пятно, откуда только знает, удивилась Елена. Старуха хмыкнула, то ли удивленно, то ли вопросительно, и сплюнула самосадную горечь. Повисло тягостное молчание.

Тут на сцену выступил Витя Поклонский. Превратив свое оплывшее лицо с глазами-щелочками в любезнейшую из масок (такое лицо он делал только ради губернатора, представителя президента по Южному федеральному округу, мэра да министра обороны), держа в одной руке, на весу, камеру, другой оператор обхватил старуху за талию, может быть, слишком бесцеремонно и фа миллиарно, по-свойски, – но ведь и старуха все ж таки не министр обороны, – наклонился к ней и только собрался по привычке умаслить ее и уломать сниматься, как вдруг Медея, вывернувшись из-под его толстой руки и размахнувшись, закатила оператору звонкую оплеуху. Нетерпимый Витя сгоряча замахнулся в ответ. Старуха насмешливо, снизу вверх смотрела на него, зажав в углу рта очередную самокрутку, вид у нее был предезерзкий, всем своим видом она говорила: а ну-ка попробуй, дай, так съезжу по роже, что небо с овчинку покажется, – было совершенно ясно, что за бабкой не заржавеет, назревал отвратительнейший скандал, и Витя, ворча, как медведь, отступил. Остолбеневший Саша переводил взгляд с прапрабабушки на оператора и обратно. Клава прошептала Елене на ухо:

– А я что говорила – маразм!

Геннадий откровенно подхихикивал, ему нравилось, как старуха осадил взбалмошных телевизионщиков. Лида состроила мину, ей хотелось сниматься, а стало ясно, что съемок, скорее всего, не будет. Алевтина бросала на Витю косые взгляды, а он пожимал плечами, мол, я не виноват, что у тебя такая родственница психическая оказалась. Витю уже года три как не били, последний раз ему досталось от охраны президента РАО ЕЭЗ Чужайса. А тут такой казус. Главное: ни за что ни про что, слегка только дотронулся до ведьмы, очень она ему нужна, самому противно. Самое смешное, что ведь сдачи долгожительнице нельзя дать – засмеют потом. Обычно в самых безнадежных случаях, когда уж и Алевтина готова была отступить, Вите удавалось уломать отказников, чем он очень гордился. Теперь оператор был серьезно обижен. Вдруг его мобильный телефон исполнил арию тореадора, Поклонский обрадовался и схватился за мобильник, как за спасение.

– Жена звонит, – объяснил он Алевтине, – я думал, Москва. Надо же, берет, такие горы, обычно же в горах нет связи.

А старуха, тщательно заперев калитку на засов, стремительно удалялась. Алевтина безнадежно прокричала ей вслед:

– Бабушка Медея, войдите в наше положение – мы ведь не просто так приехали, у нас работа, бензину сколько проехали, время потратили, поговорите с нами, будьте добреньки.

Медея, остановившись на полпути, обернулась:

– И что ж ты такая настырная. Знала я одну такую, знаешь, где она теперь?

– И где?

– Воду на ней возят.

– А я вовсе и не обиделась! Вы пустите нас или нет? – уже в лоб спросила рассердившаяся Алевтина.

– Не пушу, – крикнула старуха. – Не люблю я вас, идите откель пришли. Не место вам тут. А ты, парень, приходи когда-никогда! – крикнула она Александру. – Тебя люблю, хоть и не знаю. Приходи, познакомимся.

Но Саша так и не собрался к прапрабабушке, вскоре она скончалась. Так они и ушли тогда, несолоно хлебавши.

– И чего она там прячет? Чего пускать не хочет? – удивлялась Аля.

Витя Поклонский предлагал перелезть через забор и тайком, из окна поснимать старуху, можно и без бабкиного синхрона обойтись, соседей бы поспрошали, а, Алек? Но Алевтина, уже поставив крест на репортаже, отказалась.

И вот это место, куда бабка Медея «родственников-самозванцев» ни за что не хотела пускать, нотариально завещала одной из этих самых «самозванок» – почему, зачем? Клава говорила, это она для Сашки постаралась, вишь, приглянулся он ей, а так как он несовершен-

нолетний, то Елене все и отписала, дом, конечно, халупа невидная, а все ж таки какая никакая, а деньга.

Между тем совсем стемнело, Елена зажгла свет и пошла за дровами: дом без хозяйки выстыл, удивительно, как растения в холоде да без воды, почитай, выжили, что там соседка изредка придет, польет. Проходя мимо груши, Елена задрала голову к черному куполу дерева, загородившему полнеба, пытаясь высмотреть ворона в переплетении ветвей, но ничего в темноте не разглядела, позвала даже:

– Загре-ей, – прислушалась – никто не откликнулся. – Ну и ладно, – сказала Елена, – сиди на суку, там тебе самое место, попросишься еще, а я уже не пушу.

Возвращаясь с охапкой дров, еще раз поглядела вверх – и опять никого не увидела. Она уже сто раз пожалела, что не уговорила Сашу пойти с ней, некогда все ему, на футбол отправился, а она ночуй тут одна. После смерти Медеи никто в доме, конечно, не дежурил, – и Елена, хоть не девочка, хоть самой через каких-нибудь 10–15 лет предстояло отправиться вслед за бабушкой, – она-то, конечно, до ее лет не доживет! – побаивалась спать в доме покойницы. Александр после футбола должен был ехать к матери, в кои-то веки Аля оказалась дома, а то все в разъездах, все по командировкам, все время что-нибудь где-нибудь да случается.

Елена принялась растапливать печь, вьюшка была открыта, – и вдруг увидела в холодной печи, в золе, поверх недогоревших полешков, книгу, кто-то пытался сжечь ее, да не проследил, и книжка слегка только обгорела. Елена решила, что страницы как раз сгодятся на растопку, потому что ни газет, ни тетрадей, клочка бумаги в доме не было – все, видать, на самокрутки бабки Медеи ушло, – собралась уже вырвать первые подвернувшиеся листы, да остановилась. Книга была старая, очень старая, может, даже ценная, с собой она почитать ничего не захватила, ни телевизора, ни радио в доме не имелось, а вечер так и так придется коротать, вот и поглядит на досуге, что это за книжица такая.

Она с трудом растопила печь: дрова были сухие, но Елена, городская жительница, не сразу догадалась нащепать лучины и довольно долго провозилась с печуркой. Из-за соседней горы выбросило молодик, только народившийся лунный серп, висевший посреди неба, предвещал вёдро. Месяц, улыбаясь, заглянул в Медеино, а теперь ее, окошко, когда огонь в печи наконец занялся. Дрова весело потрескивали, сразу в домике стало тепло и уютно. Елена пожалела, что засветло не сходила за водицей, чтобы полить растения, ждущие своего часа в соседней горнице, водопровода в избушке, конечно, не имелось, зато на улице, за домом торчала колонка, но потом решила, что ночь-то зеленые приживальщики потерпят, не высохнут.

Она разобрала сумку, достала постельные принадлежности: принесла свои, спать на старухиной кровати и то неприятно, а уж какое у нее небось белье! Елена брезгливо откинула засаленное покрывало, под которым оказалось ватное одеяло в ситцевом, в горошек, пододеяльнике; полосатый слежавшийся матрас был покрыт, как она и думала, грязной дырявой простыней. Конечно, умерла старуха не здесь, в другом месте, мертвая тут не лежала, и все равно Елена побаивалась идти сюда. Полтора месяца прошло с тех пор, как Медею схоронили, и с тех пор, как Елена узнала, что старуха все отписала ей, а вот глаз сюда не казала, как говорит здешняя соседка. Ни 9 дней, ни 40 дней бабушке не отмечали, всем было недосуг. Елена перестелила постель, скатав рванье в узел, а матрас как следует выбила на открытой веранде, ничего, не позеленеет от плюща больше, чем уже от сырости позеленел. Потом с трудом высвободила на столе место для своей посуды: чашки, тарелки, ложек, ножа. Поела бутербродов с колбасой да сыром, попила минералки и, вытащив изо рта вставную челюсть, положила в специальную кружку и залила для сохранности той же минералкой. Челюсть ей сделали недавно, и она никак не могла привыкнуть к чужим зубам, которые натирали десны и язык, изменили рисунок рта: верхняя губа по-обезьяньи нависла над нижней. Но все это ладно бы, так она говорить с этими зубами разучилась! Звуки устроили со вставной челюстью чехарду: вместо «ш» выскакивало «с» и наоборот, так что внука она звала то Шаса, то Шаша, то Саса. Он про-

сто по земле катался: я, баб, конечно, понимаю, что ты не виновата, что нельзя над этим смеяться, но все-таки, прости меня, это ужасно смешно, ты как ребенок, который только учится говорить, – и давай опять хохотать.

Тут заныло в груди, уже недели две она ощущала какую-то тянущую боль в левой стороне, вначале думала, сердце, но потом поняла, что нет, не то, ныло не за грудной клеткой, а прямо в самой груди. Елена помяла свою длинную отвислую грудь – вроде полегчало. Подставила к печке скамеечку, чтоб спиной прислониться к теплу, надела очки для чтения и взялась наконец за погорелую книгу.

Это оказался довольно толстый том, обложка была когда-то бронзовой, но теперь почернела, и обрез стал темным. Обгорел только нижний правый угол книги, в остальном она осталась целой. Елена потрясла книгу, чтобы выбить пепел, и принялась листать. Книжка была рукописной. Желтые и ломкие листы – то ли от огня они стали такими, то ли от времени – исписаны отвратительным медицинским почерком, чернила выцвели, и некоторые слова она с трудом разбирала, имелись, видимо, более поздние вставки, потому что почерк там был другой, и чернила темнее, – впрочем, писалась книга разными чернилами: и синими, и черными, и даже красными. Пролистнув ломкие страницы, Елена прочла:

«От падучей болезни: взять 2 доли корня брань-травы, основательно корень измельчить, залить 1 стаканом кипятку, нагревать на водяной бане 20 минут, укутать отвар пуховой шалью, держать 2 часа в теплом месте и затем процедить. Принимать по 1 столовой ложке, 3–4 раза в день после еды».

Пролистнув еще несколько страниц, нашла такой рецепт:

«Как удалить нежелательные волосы на теле: скорлупу грецкого ореха сжечь на огне, золу перемолоть до пыли, 4 чайные ложки грецкой пыли размешать в стакане холодной ключевой воды, настаивать в темном месте 10 дней, временами помешивая. По истечении же 10 дней процедить смесь через вату и полученным средством смазывать участки тела, где растут излишние волосы. Через месяц волосы полностью исчезнут и вновь расти в том месте не будут».

Книга оказалась старинным травником. Оно и не мудрено: ходили слухи, что Медея была сестрой милосердия в Первую мировую, потом долго работала фельдшерницей – вон свидетельство-то об окончании техникума в сундуке лежит, – соседка рассказывала, что до самого последнего времени народ из села полечивался у ней.

Елена, хоть и была несколько разочарована – она и сама не знала, каких таких чудес ждала от несгоревшей книги, – но потом решила, что книжечка очень даже полезная, а вдруг да поможет ей избавиться от давления, которым она страдала в последнее время. И еще эта подозрительная боль в груди. Уж не рак ли? Типун ей на язык. Елена поплевала через левое плечо. Хотя, с другой стороны, к неизвестным снадобьям тоже надо относиться с осторожностью. В книге имелись экзотические рецепты:

«От брюшной водянки: изловить 7 черных тараканов, для этого намазать медом или сахарным сиропом бутылку и оставить на ночь в месте скопления тараканов, тараканы прилипнут к сладкому, подобно мухам к липучей ленте. Наутро тараканов вынуть, умертвить и, высушив, истолочь в ступе, а затем залить штофом водки. Настойку поставить в темное место на 30 дней, по истечении этого срока пить перед едой по одной столовой ложке 3 раза в день».

Бр-р-р, Елену даже передернуло от отвращения: ну и рецептик! Она стала разбирать дальше, а потом вспомнила, что не выпила таблетку от давления. Елена налила воды в стакан, порылась в сумке – ну вот, забыла лекарство. Опять взялась за книгу: открылась она на пустой странице, Елена в недоумении перевернула страницу назад – там текст был, вперед – тоже, а этот лист оказался пустым. Она положила книгу на лавку, рядом поставила стакан с водой и встала подложить дров в печку, но неосторожно задела стакан поленом – скамейка-то рядом

стояла, – стакан перевернулся, и вода на книгу пролилась. Елена охнула, бросилась спасать книжку, поднесла ее поближе к огню, для просушки, и вдруг с ужасом увидела, как невидимая рука начинает писать на пустой странице слова – все тем же отвратительным почерком. Елена, схватившись за сердце, оглянулась: никого за спиной, конечно, не было. Пустой дом. Один молодой по-прежнему криво ухмылялся в окошке. А на пустой странице слог появлялся за слогом, и новоявленные слова складывались в предложения.

Тут Елена вспомнила: она ведь читала в детстве про то, как революционеры, сидящие в тюрьме, переписывались с товарищами на воле: решит, например, Камо взять банк, чтобы организовать подпольную типографию, а для этого просит охранника передать на волю самое обычное дружеское послание, привет, мол, из тюрьмы, как вы поживаете на воле? Я поживаю хорошо, пытать меня не пытаются, кормят три раза в день, правда, читать тут, кроме Библии, нечего, а в остальном жить можно и здесь. Охранник берется передать письмо, не безвозмездно, конечно, товарищи на воле получают его и начинают греть над свечкой, и тут поверх простых дружеских слов начинают проступать указания, как и когда надо брать банк, потому что писаны крамольные слова молоком и проявлялись, только если их подержать над огнем. Наверное, и в этой книге имелась тайнопись. Елена, чтоб слова ярче проступили, приблизила загадочную книгу поближе к горевшим дровам и против красно полыхавшего за страницей пламени принялась разбирать огненные словеса следующего содержания:

«Котел омоложения. Молоко киммерийских коров вскипятить на живом огне, добавить в молоко желчь черного барана и тщательно размешать. Взять 40 долей корня прометеевой травы, измельчить, залить штофом серной воды, вылить в смесь и вновь перемешать. Если в ночь полнолуния месяца мунихион поставить котел у входа в богатырскую хатку и искупаться в том молоке, – молодость к тебе возвратится».

«Вечерние новости»

Сегодня на черноморском побережье Кавказа состоялось открытие нового железнодорожного тоннеля. Длина тоннеля 3 километра. Прежде рельсы шли вокруг горы, и этот участок пути считался самым опасным на протяжении всей Северо-Кавказской железнодорожной магистрали, которая в настоящее время является составной частью южной ветви 9-го международного Критского коридора. Оползни то и дело сходили на железнодорожное полотно, надолго останавливая движение поездов. Напомним телезрителям о трагедии, которая произошла здесь в сентябре прошлого года: после ливневых дождей гору подмыло,

и оползень буквально опрокинул пассажирский поезд, следующий в город Ижевск. Два вагона упали в море, пострадавшие с травмами различной тяжести были доставлены в больницы города. Имелись многочисленные жертвы. С тех пор у пассажиров поезда «Адлер – Ижевск» появилась традиция бросать в этом месте из окон вагонов цветы, а не пластиковые бутылки. Министр путей сообщения Герман Иванов сказал: «Этот тоннель – еще одно звено в цепи, которая соединит нас с Европой».

*Алевтина Самолетова,
Виктор Поклонский,
специально для НТФ*

Глава 2

«Котел омоложения»

Довольно долго Елена не появлялась в домике на горе. Ничего ценного там, даже и для бомжей, не имелось, да и что бомжам делать в чистых горах, их место в сердце города, у вокзала. Соседка время от времени поливала растения, живущие в большой горнице. Ворон так и не показался, но насчет него Елена соседку тоже предупредила, чтоб покормила, ежели прилетит, хотя, с другой стороны, это же птица, добудет себе пропитание.

Книгу она унесла с собой. Дома обернула обгоревший том в старый номер газеты «Аргументы и факты» и спрятала на антресоли, подальше от Александра, хотя внук был до того невнимательный, что ни бревна в своем глазу, ни соринки в чужом не замечал. Когда он уходил в школу, Елена доставала книгу и изучала, кроме «котла омоложения», других таинственных рецептов не нашла, но читала теперь все подряд: мало ли... Она записалась в библиотеку – кажется, со школьных дней туда не ходила – и подолгу просиживала в читальном зале вместе со студентами, обложившись словарями, энциклопедиями и всякими старинными книгами. Время от времени, когда глаза уставали от мелких букв, снимала очки и взглядывала в библиотечные окна-бойницы на море, сквозившее внизу, за кипарисами.

«...Молоко киммерийских коров вскипятить на живом огне...»

Из библиотеки Елена вынесла сведения о том, что в далекие века, задолго до нашей эры, от Кавказа до Фракии жили причерноморские племена киммерийцев, скифы потом вытеснили киммерийцев с их земель, а те, в свою очередь, завоевали Малую Азию, где смешались с местным населением и совершенно в нем растворились. Теперь в Малой Азии живут соседи по Черному морю, турки. Про то, что стало с киммерийскими коровами, словари, энциклопедии и даже старинные книги умалчивали. Конечно, киммерийцы могли увести своих коров с собой, в Малую Азию, а может, какие-то стада достались скифам, и теперь потомки тех коров преспокойно бродят по берегам Кубани.

Елена, выискивая про коров, вычитала следующее: убыхи, которые жили в здешних местах до середины 19-го века, выбирали из своих стад белую корову – чтоб без единого темного пятнышка, – мыли ее молоком и угоняли в горы. Она должна была, точно альпинистка, переходить хребты, переплывать бурные реки, чтоб подойти к убыхскому селению на берегу Сшаше (нынешняя река Сочи), там остановиться у двора кого-либо из убыхского рода Берзегов, где ей давали в пару черную овцу, и далее подруги шествовали вдвоем, до самой священной рощи на берегу реки Шахе, и там скотину приносили в жертву. Упоминалась в книгах еще одна бродячая корова Ио, тоже, кстати, белая и беглая, про нее, в отличие от убыхской коровы, писали многие, она была довольно известным копытным. Эта корова вынуждена была обежать вокруг Земли, потому что за ней гнался, не давая ей никакого покоя, громадный овод. Ио со всякими приключениями добралась до Кавказа и здесь повстречалась с прикованным Прометеем, в честь которого названа была трава, необходимая Елене.

«...взять 40 долей корня прометеевой травы...»

Эта прометеева трава никак ей не давалась: нигде не имелось сведений о том, как она по-другому называется (хоть бы и на латыни). Никто не слышал про такое растение. Бабушка Медея, разумеется, знала, да унесла свой секрет в могилу, еще, видать, и книгу хотела сжечь. В книге же каких только трав не упоминалось, каких только рецептов не было, а вот о прометеевой травке, кроме как в рецепте, написанном тайнописью, сведений не имелось. Вероятность того, что растение исчезло с кожи Земли, была небольшой, скорее всего, в 20-м веке его находили. И, может, это самый обыкновенный подорожник или мать-и-мачеха, а вот поди-ка угадай!

«...Если в ночь полнолуния месяца мунихион...»

С этим месяцем мунихионом тоже пришлось помучаться, но в конце концов Елена выяснила, что так у древних греков назывался апрель.

Конечно, разыскивая сведения, связанные с потрясшей ее до глубины души возможностью омолодиться, она не совсем верила в книжное средство. Временами она над собой подсмеивалась: вон что удумала, старая дура, помолодеть захотела! Да разве такое возможно?! Если бы было можно, ученые уж давно бы додумались до этого, и пользовались бы «котлом омоложения» люди не нам чета: всякие артисты да жены министров и олигархов, да и сами министры с олигархами, второй раз жить кто ж откажется?! Но едва ее начинали разбирать сомнения, как пример бабушки Медеи вставал перед глазами. Разве без котла этого прожила бы старуха так долго? Выглядела бы в свои сто с приличным гаком едва ли не моложе внучек? Окончила бы медицинский техникум в 59 лет? Нет, что-то во всем этом было. Не зря покойная бабушка Соня, которая воспитывала их с Клавой, звала Медею ведьмой. «Попытка не пытка, – думала Елена, – а на нет и суда нет». И потом: ноющая боль в груди продолжала ее мучить. Недавно она нащупала в левой стороне подозрительный катышек, будто кто-то засунул в грудь обкатанную морем гальку. А если это в самом деле рак?! Тогда у нее был только один выход, потому что в операцию она не верила. Ежели не в омут головой, так в котел.

Окончательно решилась Елена опробовать средство, когда случайно, на рынке, куда они с Сашей пришли за картошкой да капустой, у испитого торговца, разложившего всякие корешки на перевернутом дощатом ящике подле рыночных ворот, нашла то, что так долго искала. И не на рисунке в книге, а вживе. Елена спросила, что это у него за корешки такие, а красномордый торговец отвечал, что это вот золотой корень, это марьин корень, это адамов корень, а вот это – корешок прометеевой травы. Елена от неожиданности уронила пакет с кочаном Саше на ногу, тот взвыл, но сумку с картошкой не бросил.

– Который, который, покажите-ка?! – подскочила она к торговцу.

Торговец трясущейся рукой протянул ей небольшой коричнево-черный корень с двумя извитыми отростками. Елена схватила его.

– Я беру. Сколько?

– Триста рублей.

– Триста?! – задыхнулась Елена, но отчаянно сказала: – Хорошо, все равно беру.

Как по-другому называется трава, торговец не знал или не хотел говорить, на вопрос, как она выглядит, отвечал, что с зелеными листочками, – сказал бы еще, что с синими, – цветет в июле, цветы вот эдакие, – он собрал пальцы в пустую горсть, изображая головку цветка величиной с тюльпан, – оранжевые. Елена спросила, где прометеева трава растет, он ответил, что на Фиште, лезть за ней надо высоко, попадается она редко, потому корень так дорого стоит, это он еще по-божески запросил, другой на его месте меньше чем за 500 рублей ни за что бы не продал. Не успели покупатели отойти, как торговец свернул свою торговлю и исчез. Елена решила – отправился за выпивкой. На обратном пути Александр, сверху и сбоку поглядывая на Елену, укорил:

– Баб, ты же говорила, денег нет, а всякую дрянь покупаешь.

– Я не себе, – соврала она, точно школьница, – меня просили, женщина одна, от диабета очень помогает, она деньги-то отдаст.

Корень прометеевой травы Елена, как и книгу, до поры до времени припрятала. По поводу шарика в груди в марте показалась хирургу, тот ничего определенного не сказал и направил ее в онкологический диспансер. Там, в длинной очереди, знающие люди утешили, мол, они всех направляют сюда, с любыми опухолями – и злокачественными, и доброкачественными, так что это ничего еще не значит. Добренький врач из диспансера после осмотра и сдачи анализов запел, что ничего-де страшного, со всякой может случиться, надо ложиться на операцию, всего лишь маленькая хорошенькая фибромочка, доброкачественная. Родным Елена ничего не стала говорить. Ей показалось, что врач, бормоча свои слова, прятал глаза;

конечно, никто ей правды-то не скажет. Такую правду не говорят. До стола операционного дойдешь, а с него своими ногами уже не встанешь, это как пить дать.

В апреле, как по заказу, Алевтина выпросила у телевизионного начальства недельный отпуск – уж сколько времени не отдыхала – и отправилась в туристическую поездку, в Грецию, и Сашу взяла с собой. Елена осталась одна.

Аля снимала квартиру в центре города, неподалеку от своего корпункта. А Елена жила далеко от центра, в Хосте, – странный их город, похожий на бусы с довольно редкими бусинками населенных пунктов, мелких и крупных, растянулся вдоль побережья Черного моря на сотню километров с гаком, и, конечно, остаться с матерью Алевтина никак не могла, тратила бы на дорогу тучу драгоценного времени. Александр последние три года, с тех пор как Алевтина стала работать на Москву, которая водила ее на веревочке и посылала туда да сюда, жил с бабушкой. Сергей Самолетов, Сашин отец, и прежде, до развода с Алевтиной, дома почти не бывал, все кого-то якобы спасал. Аля больших трат себе не позволяла, американские деньги складывала в банк, мечтая купить отдельную квартиру там же, в центре: грабительскую ипотеку брать не хотела. Поэтому то, что она вдруг решила потратиться на туристическую путевку, да не на одну, а на две, в результате чего у Елены оказались развязаны руки, можно было расценить как указку судьбы.

Поезд сначала задерживался, потом подошел и вот-вот готов был отправиться – они ехали до Краснодара поездом, а оттуда самолетом летели в Афины, – внука, который в последний момент решил купить журнал «Мой футбол», все не было. Алевтина, вытащив на всякий случай вещи из тамбура на платформу, нервничала:

– Это не ребенок, а какое-то стихийное бедствие. И зачем я его потащила с собой, ехала бы спокойно одна!

Наконец они увидели Александра, неторопливо выходящего из тоннеля.

– Саша! Саша! Давай скорей! Сейчас поезд отправится! – кричали они наперебой, заставляя оборачиваться провожающих, носильщиков и продавцов напитков.

– Он, конечно, не слышал объявления, – ворчала Алька, – весь вокзал слышал, а он нет.

Проводница сказала:

– Вы едете или остаетесь, в конце-то концов?

– Едем! – крикнула Алевтина, закидывая вещи обратно в тамбур.

Александр бежал по платформе, как олень, поезд тронулся, он догнал свой вагон и, к ужасу Елены, поспешавшей следом за вагоном, уже на ходу заскочил в него. Возвышаясь за проводницей, которая была ему до подмышек – Алю проводница совсем загородила, – заорал так, что проводница сморщилась и поднесла к уху руку.

– Ба, пока! А «Моего футбола» в киоске не было.

– Вот балда! – прошипела Елена вслед изогнувшемуся хвосту поезда, с двух сторон от которого горели низкие красные семафоры.

До полнолуния месяца мунихион оставалась еще капля времени.

«...Взять 40 долей корня прометеевой травы, измельчить его, залить штофом серной воды...»

Елена съездила на Мацесту, набрала в пластиковую бутылку вонючей, пахнущей тухлыми яйцами воды, которая вытекала из разинутой пасти каменной львиной морды, торчащей из желтой стены, – казалось, что царь зверей выбрался из стены первым, а следом за ним, того гляди, начнут высовываться из вертикальной поверхности прочие животные, которые до поры до времени скрываются за стеной; потом из вертикали, точно из ставшего на попа болота, с громким чмокающим звуком высвободятся каменные четвероногие, выйдут, потрясая головами, наружу и отправятся завоевывать каменный город.

«...добавить в молоко желчь черного барана...»

Елена отправилась на Пластунку, в домик бабушки Медеи. Когда она была там последний раз, мимоходом услышала, что по соседству, у грузин, в апреле должны резать барана, какой-то у них намечается юбилей, и даже сходила к этим грузинам, посмотрела на барана и выпросила желчи от него, для лечения. Теперь она попутно зашла к Галактиону Хаштария, чтоб узнать, когда будут резать барана. Оказалось, что уже завтра. Пока все шло как по маслу.

Елена, с треском распахнув окошки в доме, наносила воды от колонки и полила заждавшиеся растения. Потом отправилась проведать соседку, приглядывавшую за домом. Звали ее тетя Оля Учадзе. Соседке было за девяносто, но она всю возилась в огороде – полола грядки. Тетя Оля, встав с коленок и отряхнув с подола фланелевого халата землю, пригласила Елену в дом, в низкую кухоньку, где по стенам висели связки чеснока и горького красного перца. Дом у соседки, хоть жила она одна, был большой, каменный, в полтора этажа, впрочем, у нее имелись дети и внуки в городе, часто сюда наезжавшие. Сняв фартук, надетый поверх кацавейки, тетя Оля принялась угощать гостью салатом из редиски – с цицматами, с кинзой, с разным луком: слизуном, пореем, репчатым.

– Все свое, не покупное, без нитратов, – хвалилась соседка.

– Вот Медея-то не дожидая до весны, – говорила Елена, тщательно пережевывая жесткую пищу, – вроде ведь такая крепкая была, а возраст все ж таки взял свое.

– Да-а, – протянула тетя Оля, – я уж думала, она никогда не помрет.

– Отчего? – быстро спросила Елена.

– Так.

Хозяйка поставила на стол блюдо с сушками к чаю, села на табуретку и начала говорить:

– Ты вот, Лена, не видала ее в 67-м, когда она опять объявилась здесь, а я видела. Ты, может, не знаешь, она ведь сестра моей матери, хоть и приемная. Ее младенцем в семью подкинули, чуть ли не в тот же день, когда моя бабушка сгинула, ушла в горы и не вернулась. Искали, искали ее – так и не нашли. Мой дед Медею и воспитал как родную, на ноги поставил, выучил, все честь по чести. Мы ведь русские, муж только у меня грузин, царствие ему небесное, хороший был человек.

Медейка, когда пропала в 37-м-го, так все грешили на ее мужа, Яна, мол, он ее порешил. Труп не нашли, но его все равно посадили, так он и сгинул где-то в России. А она, вишь как, через тридцать лет является! И ни капельки не переменилась, какая была, такая и осталась. В тридцатые я, конечно, совсем мелкая была и Медею мне часто видеть не доводилось – она ведь тогда важная была, куды! Жена самого Тугарина! А он был уполномоченный ЦИК, главный по ударной стройке! Сюда она почти не показывалась – зачем ей, но один раз, в 37-м как раз, приехала: у ней платье было такое с листочками ивовыми, как сейчас помню, и шляпка с перышком, я в жизни шляп на бабах не видала – какие шляпы у нас в горах! – а она в шляпе, кекелка, да еще с пером! Мы, дети, все попрятались, выглядываем, кто откудова, – она входит, вот сюда, вот в эту самую дверь, и что-то с мамой моей начинает тарабарить, видать, важное. А потом, Лена, вижу я ее спустя тридцать лет, опять она входит в эту самую дверь, платья с лис точками на ней уже нет и в помине, да и какое платье: зима стоит на дворе, и шляпы тоже нет – но с лица она ничуть не переменилась. Матери моей было уже... она 83-го года, значит, 84, мне – 37, Медее, змее, – 77, а выглядывала она моложе меня. Вот как такое может быть, скажи ты мне? Вроде проспала где-то эти тридцать лет, в гробу каком-нибудь хрустальном, а потом ее пробудили, она встала и пошла. И к нам заявилась, кекелка! Маму мою чуть кондратий не хватил. Да она и умерла вскоре после этого. И за Медеей, ты ведь знаешь, хвост из троих ребятешек: два мальчонки одинаковые, а один разный, говорит, приемыши. Оттуда она их привезла, где оружие всякое собирают, автомат этот еще Калашников сделал впервой-то. Своих детей: твоего отца – Сашу да Леню, старшего, – бросила тогда, в 37-м, на чужих людей, а приемышей, вишь, откопала откедова-то. Сама она в ватнике, и дети все тоже в чем попало, как бичи какие али цыгане, прописки у них нет, ничего нет, квартиру их шикарную тогда же,

в 37-м, как Яна арестовали, конфисковали. С пропиской в Сочи в 67-м было трудно – вот она и сунулась к нам. В этом доме ведь они, все восемь сестер, и выросли: и мама моя, и Медейка-подброшенка тоже. Мама пожалела их, выделила кош, у нас там прежде кукуруза лежала да орехи, хурда-бурда всякая. Еще и участок земли ей прирезали от нас, в сельсовете все честь по чести оформили. А уж пацанва хулиганье оказалась! По садам лазили, всю хурму обдерут, бывало, где что плохо лежит – все подтибрят. А Медея за них горой стояла. Да 90-е-то годы со всеми тремя разобрались: одинаковые одинаково погибли – в бандитской перестрелке, а третий – от передозировки помер.

– А отчего она умерла? – задала глупый вопрос Елена, размачивая очередную сушку в чае. – Вроде не болела, вы говорили.

– Не болела. Кто ж его знает, у всякого свой час, как ты ни выглядывай молодайкой, как ни хорохорься, а пришел час – и всё: не стало Медеи Лавровны Тугариной. Накануне-то она пришла ко мне, да я уж, никак, рассказывала тебе?

Елена была вся внимание, и старуха, обтерев губы ладонью, продолжала:

– Мы с ней, Лена, не так чтобы шибко ладили, хотя по соседскому делу нельзя, конечно, не ладить. Но пришла она, пришла ко мне и говорит: Оля, говорит, – Олейкой звала, как вроде мне все 7 лет, – не хочу, говорит, я, где все, лежать, а хочу, говорит, остаться подле своего дома, лицом к солнышку, к восходу, как умру я, завещаю, – строго так, говорит, завещаю! – похороните меня в богатырской хатке, а на кладбище, говорит, не носите. И умерла ведь там, в этой каменной хатке, на третий день только хватились, да ты уж про это все знаешь. А вот не послушались ее, похоронили по-людски на кладбище, не самоубийца ведь она какая, где попало лежать, и не абхазка, те тоже, бывалоча, во дворах своих хоронят, прямо под окнами. Да вот, Лена, стала последние дни сниться мне Медейка! Приходит, опять вроде в зеленом своем платье 37-го-то года, с листочками которое, в шляпе соломенной, и говорит: «Я тебя, Оля, не шлепала при жизни, так сейчас отшлепаю: ты зачем меня не послушалась, я тебя добром просила, а ты вон что – не настояла, ну так смотри у меня, берегись!» Да на вторую ночь опять заявила и пальцем мне грозит, а на третью... вошла в дверь, перо из шляпы выдрала, обмакнула в ткемали и на стенке неприличное слово написала, обозвала меня по-нехорошему. – Старуха помолчала значительно и продолжила: – Вы-то что – вы люди пришлые, знать ее не хотели. – На протестующий Еленин жест тетя Оля повысила голос: – Знаю, все знаю, сама она не больно-то вас жаловала, нагнала тебя даже однажды, а вот, вишь как, оставила все ж таки всё тебе, а не мне, хоть мы с ней с 67-го года и до последнего ее часа соседствовали и всё это прежде наше было. Ты, конечно, внучка, а я-то ведь тоже – не седьмая вода на киселе: считай, племянница. Да уж что теперь говорить!

Старуха опять замолчала и, утерев фартуком пот, выступивший на лице после третьей кружки горячего чая, высказалась:

– Думаю я, Лена, что сны эти не простые, вещие сны, не таковская она была женщина, Медея-то Тугарина, чтобы просто так с бухты-барахты присниться! Думаю я, Лена, что зовет она меня, скоро и мне пора.

– Да ладно вам, тетя Оля, – запротестовала Елена, – вы еще вон какая крепкая!

– Как тебе не крепкая! Кости ломит, к дождю особенно, зубов нету!

– Зубов и у меня нету, – засмеялась Елена. Всё это, или почти всё, она уже слышала от тети Оли. – Тетечка Олечка, – проговорила Елена умильно, – а не одолжите мне пару ведер, только не пластмассовых, хочу растения Медеины полить. Раз уж приехала...

Старуха дала ей ведра, и Елена отправилась к себе. После встречи с соседкой уверенность Елены в том, что надо сделать попытку, только укрепилась.

На следующий день она с утра отправилась на другой конец села, к Галактиону Хаштария. Домой воротилась с бутылкой бараньей желчи и с эмалированным ведром, которое с отдачей попросила у жены Галактиона.

На подоконнике раскрытого окошка сидел ворон Загрей, с гладкими, блестящими черными перьями, и искоса поглядывал на нее. Елена обрадовалась живой душе в доме, поздоровалась с вороном. На «здрасьте» он ей каркнул опять по-иностранным: «Шерейпхум!»

– Вот еще заморская птица выискалась, – проворчала Елена. – Есть-то небось хочется? Или попировал уже у Галактиона, бараньих потрошков отведал? Хотя нет, там два пса, не пустят тебя, да и свиньи есть, те всё подберут. На вот, я тебе колбаски докторской припасла, колбаску-то любишь?

Ворон не стал ломаться, склевал, что дали, а насытившись, «спасибо» не сказал и вылетел вон.

Дел у Елены оказалось невпроворот. Тетя Оля как-то оговорилась, что на чердаке Медеином полно старых вещей. Елена хотела найти какой-нибудь большой чан или котел, чтобы вскипятить молоко, четыре ведра: свое, да Галактиона, да два тети Олиных у нее были, – но не мешало раздобыть еще что-то.

Действительно, чердак оказался завален старьем. На железной кровати с голой панцирной сеткой лежала сверху ножками другая кровать, третья, разобранная на спинки и сетку, стояла у стены. Стол лежал на боку, стулья громоздились, составленные один в другой; всюду, в пыли, валялись разбросанные детские книжки и тетрадки. Елена подняла одну тетрадь и прочитала: «Тетрадь ученика 5-го класа, средней школы 53 Тугарина Андрея». Пошла дальше и споткнулась о махровый от пыли велосипед «Школьник» с одним уцелевшим колесом. «Сесьп-пуна!» – услышала знакомое и увидела вверху, на балке, ворона.

– Фу, напугал! – махнула на него рукой. Ворон каркнул на своем птичьем языке и, слетев вниз, уселся на изнанке сиденья верхнего стула, сложил поудобнее широкие крылья.

– Вот фон барон! – проворчала Елена и двинулась дальше – от ее ноги покатился красно-синий мяч. В дальнем углу чердака лежал сверху брюхом комод, она наклонилась и выдвинула ближайший ящик, оттуда вывалились заношенные мужские вещи: трусы, майки, носки, брюки. Елена огляделась: вещи снизу, из дому, все до единой, были сосланы сюда, наверх. Но кухонной утвари тут не имелось. Это были вещи из большой комнаты, где жили теперь растения, которым столы, стулья, кровати, шкафы, одежда, мячи, велосипеды, книжки и тетради были без надобности. Внезапно ворон, нарушив мертвую тишину, проорал на чистом русском языке: «Р-рота, за мной!» – пролетел мимо, задев ее щеку концом черного крыла, и вылетел в чердачное оконце. Елена остолбенело глядела вслед удалой птице.

Первым делом, так или иначе, надо было запастись молоком. Она залезла под дом, стоявший, как избушка на курьих ножках, на каменных сваях, и вытащила оттуда тачку с двумя огромными колесами. С тачкой и пошла в магазин, который по привычке звали сельпо, – тетя Оля, во всяком случае, так звала, – стоял он посреди поселка, рядом с двухэтажной, в желтой побелке, конторой, и, в отличие от прежних времен, чего только в магазине не было. Тетя Оля сказывала так: ведь говорили старые люди, наступят-де такие времена, когда на прилавках все, что душа пожелает, будет, а денег, чтоб купить, не будет. Видать, как раз и пришли эти времена. В магазине никого, кроме продавщицы, не оказалось, поэтому Елена с самым независимым видом попросила у неприступной армянской девушки, щелкавшей семечки из ладного цветного пакетика – а не из газетного кулька, как бывало, – сто двадцать пакетов кубанского молока.

– Ско-олько? – изумилась продавщица, мигом переставшая клевать семечки.

– Сто двадцать, – осторожно отвечала Елена.

Продавщица некоторое время в изумлении рассматривала Еленино лицо, потом дернула плечами:

– Не могу. Оптовая закупка. И что я другим покупателям скажу, спросят: почему молоко не привезли, а сегодня уже не привезут, завтра только.

– Девушка, красавица, пожалуйста, очень надо, – умильным голосом зачастила Елена и добавила магическое: – Я ведь доплачу.

– Ну хорошо, – вздохнула продавщица и стала выкладывать на прилавок пакеты с молоком. Елена, едва не застряв в дверях, завезла в магазин тачку и стала складывать мягко колыхавшиеся пакеты, исписанные рекламными словами, туда. В окно она увидела двух женщин, приближавшихся к магазину, и поскорей набросила на груженную молоком тачку цветастую шаль бабушки Медеи. Быстро расплатилась с продавщицей, а на покупательниц в дверях едва не наехала. Те, в недоумении, посторонились.

Все молоко в тачку не поместилось, пришлось сделать еще ходку. Да, молоко оказалось тяжелым грузом. Конечно, нельзя было сказать наверняка, можно ли считать молоко кубанских буренок, на которое Елена, между прочим, истратила почти всю свою пенсию, киммерийским. Но и любое другое молоко называть киммерийским оснований тоже не было. Во всяком случае, это оказалось самым дешевым. Главное, чего Елена опасалась: как бы молоко не скисло до вечера, ведь холодильника у бабушки Медеи не имелось, да если бы и был, сто двадцать пакетов в холодильник не затолкаешь. А как назло, сегодняшний день, в отличие от всего остального апреля, выдался уже почти по-летнему жарким. До поры до времени она оставила молоко в самом холодном месте: под домом.

«...поставить котел у входа в богатырскую хатку...»

Богатырская хатка, а по-другому дольмен, находилась тут же, в пределах владений Медеи, за домом, в двух метрах от края обрыва. Сложена она была из многослойных, цельных каменных глыб, сверху, в виде плоской крыши, лежала такая же, как стены, серая глыбища; высотой хатка была метра три, а шириной – четыре метра. Единственное круглое окошко хатки – оно же дверь, – сейчас заткнутое каменной пробкой, выходило на соседнюю гору, на восход. Почти вплоты к дольмену росла развесистая ива, плакучие ветви ее с одной стороны опускались на каменную крышу хатки, а с другой свешивались в обрыв. Длинное тулово гор, протянувшееся за пропастью, с правой стороны вздымалось круто вверх – сквозь гору прорыли новый тоннель для поездов – и там, за горой, плескалось в своей вечной колыбели море. По дну пропасти, куда и заглянуть-то страшно, спешила к морю река, и рядом с ней, в обнимку, бежала дорога. Только речка бесстрашно бросалась в море, а осторожная дорога останавливалась подле волн.

Котла никакого на примете не оказалось, да и где можно было раздобыть котел такого размера, чтобы самой туда влезть? В доме и дворе Галактиона Елена поосматривалась, даже спросила у хозяйки, в чем они будут варить барана, та показала ей довольно большую кастрюлю, но эта большая кастрюля Елене была бы только по колено. Оставалась обыкновенная ванна. Проржавевшая и облезлая изнутри ванна стояла подле Медеиной колонки, вода из крана текла как раз туда. Видимо, летом, когда с водой были перебои – в квартире Елены перебои тоже случались, – в этой ванне бабушка держала воду для полива своих растений. Может, и мылась там, потому что в доме не было ни ванны, ни корыта, даже тазика не нашлось.

От колонки, где стояла ванна, до богатырской хатки, возле которой, как указывалось в рецепте, надо было окунуться в «котел омоложения», не так уж далеко, и все-таки Елене это расстояние казалось непреодолимым. «Вот когда пожалеешь об отсутствии внука», – подумала она и тут же услышала далекий ритмичный перестук поезда. Даже сердце захолонуло, хотя Саша-то с Алевтиной давным-давно сошли со своего поезда в Краснодаре, улетели в Афины и всю уже бродят по чужой столице. Прежде, говорила тетя Оля, в редкую ночь услышишь шум поезда, железная дорога шла по-за горами, а с тех пор, как прорыли тоннель, поезда стали хорошо слышны. Да они и видны стали. Елена подошла к краю обрыва и вдали, внизу, под горой увидела зеленый хвост поезда, скрывшийся в тоннеле.

В конце концов Елена придумала, как ей перетащить ванну к дольмену, не прося помощи у соседей, у того же Галактиона, к примеру, который непременно спросит, а зачем ей ста-

вить ванну к порогу богатырской хатки. Вымыв как следует ванну изнутри, – в грязь ложиться не хотелось, – она принесла из дровяника круглые чурки, один из кругляшей подложила под ванну, пришлось, конечно, поднапрячься, поднимая конец, даже в поясище что-то хрустнуло, и Елена непроизвольно выругалась. Вот старая дура, принялась она костерить себя, головы своей нет на плечах, дак чужую ведь не приставишь, ничего она, конечно, не добьется, никакой такой второй молодости не получит, только радикулит себе наживет... в придачу ко всему. Но продолжала действовать: выложила путь ванне десятком кругляшей, лежащих друг за другом наподобие домотканого половика. Ворон, решивший, видимо, понаблюдать за ее действиями, слетел с чердака и уселся, устраиваясь, на колонке: покачался из стороны в сторону, как маятник, лапы-то не умещались на вентиле. Елена оторвалась от своего занятия и укорила его:

– Дак ты, голова садовая, и по-русски балакать умеешь? А притворялся! А иностранничал! Ну-ка, прокаркай что-нибудь по-нашему?!

Ворон не ответил по-человечески, а каркнул по-своему, потому что не удержался на железном кружке, сорвался с колонки и, затрепыхав крыльями, приземлился на угол ванны.

– Ну, сиди, сиди, сейчас поедем, – сказала, усмехаясь, Елена.

Но ворон, едва ванна двинулась, взлетел и уселся на крышу богатырской хатки. Хорошо, что земля шла под уклон: ванна поехала по каткам как миленькая. Потом, правда, стала: ни тпру, ни ну! – но Елена перенесла вперед распрыгавшиеся в стороны, оставшиеся позади кругляши, и снова ванна поехала по ним, точно по катку. Теперь главное: не свалить ее сгоряча в пропасть. Елена направила катки к богатырской хатке, а сама сбоку страховала ванну, чтоб не вынесло к обрыву. И вот ванна стала на место. Пара чурбаков только оказалась под ней, но Елена, вновь приподняв конец емкости, выпихнула их ногами. Подняв голову, она увидела ворона, который выискивал что-то в поросшем мхом стыке между каменными глыбами хатки, и строго ему попеняла:

– А ты, Загреич, небось думал, я не справлюсь, ага?

Ворон вытащил на крышу улитку и, раздолбив ее клювом, ответил опять по-иностранному: «Тагэ. Сесыппуна».

Ванна стала впритык к стене богатырской хатки, окошко оказалось как раз подле длинного края «котла омоложения». Елена залезла в пустую ванну и попробовала вытащить каменную пробку, которой было заткнуто круглое оконце. Пробка сидела крепко, но круг ее, похожий на шляпку гриба, оказался шире лаза, поэтому, когда Елена, ухватившись за края двумя руками, дернула, тяжеленная пробка выскочила и осталась у ней в руках: она аж присела. Окошко открылось. Елена ухнула каменный гриб возле ванны: едва ведь не надорвалась, старая дура!

Изнутри пахло сыростью и чем-то затхлым. Стена вокруг окошка оказалась оплавленной: обод, оранжевый около самой дыры, далее, по размытому кругу, окрасился желтоватым. Елена сунула голову в дыру богатырской хатки: после солнечного света глаза долго привыкали к сумеркам каменного помещения: голые стены поросли мхом и лишайником, и ей вдруг показалось, что дна у хатки нет, будто это не хатка, а колодец. Но, приглядевшись, она увидела, что дно все же есть, только пол находится гораздо ниже того уровня, где стоит Елена. Она попыталась протиснуться внутрь, но дальше плеч дело не пошло. Елена поняла, что непременно застрянет. Не с ее животом лазить по дольменам. Вот худенькая бабушка Медея – дело другое, уж она-то, как пить дать, залезала внутрь, коль даже помереть умудрилась в этой хатке.

Вдруг сверху, из ивовых ветвей, слетела на крышу богатырской хатки длинношеяя птица – вертишейка – и, вытянув шею, как змея, зашипела на все еще сидевшего там ворона. Ворон, защищаясь, растопырил плиссированные крылья и каркнул. Елена, задрав голову, увидела в переплетении ивовых ветвей гнездо вертишейки. Тут она услышала писк и увидела на земле, у самой ванны крохотного птенчика, видать, только что выпавшего из гнезда. Елена нагнулась, чтоб поднять птенца, но и Загрей своим верным вороньим глазом тоже углядел птичьего дете-

ныша и, опередив ее, камнем сверзился вниз с крыши, схватил в когтистые лапы и был таков. Вертишейка заголосила. Елена замахала руками, но ворон летел уже над пропастью, в сторону соседнего хребта. Елена безнадежно махнула вслед ему рукой.

«...молоко киммерийских коров вскипятить на живом огне...»

Елена разузнала, что живой огонь – это огонь от молнии, но ждать такого огня можно всю жизнь, да так и не дожидаться. Словоохотливая тетя Оля рассказала ей как-то, что дуб, мимо которого она ходит и под которым вечно валяются свиньи, когда-то расщепило молнией на два ствола, но случилось это, когда покойная мать тети Оли еще девчонкой была. Кроме того, живым огнем назывался огонь, добытый с помощью трения дерева о дерево. Елена вынуждена была остановиться на таком живом огне, она даже, в отсутствие Саши, пыталась добыть его в своей городской квартире. Это оказался долгий процесс, но делать-то ей все равно было нечего, разве только бесконечные сериалы да ток-шоу смотреть, переключаясь с канала на канал. Нажив кровавые мозоли, Елена вынуждена была сделать перерыв в стремлении добыть огонь. Но в конце концов, после многих бесплодных попыток, ей удалось и это. Она не поверила себе, когда огонь родился из ее ладоней. Но он был настоящий, обжег ее, взмахнув рукой, она погасила едва живое пламя. Но на следующий день Елена снова родила огонь.

Это было самое трудоемкое из того, что ей предстояло, но главное – добыть живой огонь, а уж сохранить его она сумеет, что она, хуже пещерного человека?! Елена решила, для верности, палочку-трут взять от дуба, в который попала молния. Те же убыхи, вычитала она, дни напролет просиживая в библиотеке, читали деревья, в которые попала молния, как священные. Найдя под дубом подходящий сучок, она уселась на сундук возле окна и, вставив деревяшку в дыру сухой дощечки, стала быстро-быстро вращать его; в дыру же, для верности, Елена затолкала пучок сухой травы, найденный в соседней комнате, траву сбирала еще Медея. В целом зрелище выглядело как зачатие, наверно, поэтому огонь и звался живым.

Каменная богатырская хатка, стоявшая к домику слепым задом, а к солнцу передом, была как на ладони, может, оттого окошки домика и выходили сюда, а не на людскую дорогу.

К вечеру Елене удалось наконец, при помощи пещерных орудий, родить живой огонь. «Терпение и труд все перетрут!» – воскликнула она победоносно.

Лучина – целый пучок сухих сосновых щепок – была у нее наготове и тут же занялась от живого огня, а от соснового факела мигом вспыхнули дрова, тщательно уложенные в устье печи.

– Вот тебе и живой огонь! – сказала она любопытному ворону, который залетел в окошко и теперь умащивался на ее плече. – А ну кыш отседова, образина! – согнала его Елена. – Сожрал птенчика-то, поганец, ни стыда, ни птичьей совести!

Ворон каркнул: «Чэт! Тхачэт!»

– Да ладно тебе оправдываться. И хватит придуриваться, каркай давай по-русски! А то говорить с тобой не буду, понял?

Уже на жар печи, рожденный живым огнем, Елена поставила ведра с молоком, а еще чугунок и пару кастрюль. Ворон, сидя на вешалке, над бараньей шапкой, висевшей на гвозде, вертел головой, наблюдая за ее действиями то одним, то другим желтым глазом. Печь топилась жарко, теперь надо было дожидаться, когда вскипит молоко и взойдет луна. Обернутая в газету книга бабушки Медеи лежала, открытая, на столе.

Елена успела «поймать» молоко – и оно не сбежало. Молоко пришлось кипятить в два захода. И то маленькая ванна оказалась наполнена не до краев, но Елена решила, что все ж таки поместится в молоке. Под рукой у нее были остальные компоненты рецепта молодости: прокрученный через мясорубку корень прометеевой травы, залитый серной мацестинской водой, – в пластиковой бутылке и граненый стакан, наполненный желчью черного барана.

Ночь уже опустилась над горами, и золотая луна с пятнышком драконьей татуировки на щеке поднялась из-за горы. Елена опрокинула в ванну с молоком стакан желчи, размешала

обломленной с ивы веткой, потом вылила туда же серную воду с корнем прометеевой травы, еще раз помешала, попробовала локтем молоко, не горячо ли, и стала торопливо раздеваться. Луна светила во весь накал, но стены богатырской хатки надежно укрывали ее от человеческих глаз, и все же Елена раздевалась, полусогнувшись, стесняясь своей дряблой наготы, бесстыдно открывавшейся весенней ночи, полной луне, соседнему хребту, ворону, молча смотревшему на нее с крыши дольмена. Ива шелестела, перебирая похожими на пальцы листьями. Елена, приподнявшись на цыпочки, аккуратно сложила одежду рядом с вороном: желтый свитер с бусинками, брюки от спортивного костюма, подаренного Алевтиной, нижнее белье, старые, стоптанные туфли она оставила возле ванны – и сказала ворону:

– Ну, смотри, остаешься за охранника.

Ворон ответил: «Сесыпуна» – и, снявшись с места, ловко влетел в дыру богатырской хатки.

– А ты куда?! – заорала Елена, попыталась даже заглянуть через ванну с молоком внутрь оконца, но там была сплошная чернота. Попробуй найти черного ворона в черном дольмене, особенно если его там нет. Вслух она сказала: – Сесыпуна да сесыпуна, интересно, что это такое? – С этими словами, держась за края ванны, залезла внутрь и неловко опустилась в молоко, где ее никто уже не мог увидеть.

Елена погрузилась в молоко с головой. Горячий красный свет вспыхнул перед ее глазами и сейчас же разлетелся на тысячи оранжевых, желтых и белых звезд, которые превратились в лица никогда не виданных ею людей, – это были живые, реальные люди, лица сменялись, наслаиваясь одно на другое. Кто они такие? Когда, в какие времена жили? Или не было их никогда? Не хватало только Алевтины, чтобы взять у них интервью. Вдруг луна, висевшая над горой, снялась со своего места, желтым снарядом промчалась над пропастью и, пролетев над Еленой, проникла в круглое оконце богатырской хатки, которое оказалось как раз ей по мерке. И луна застряла в окошке! Она была теперь по левую сторону от нее, Елена могла бы, вытянув руку из воды, дотронуться до круглолицой. Елена поднялась из ванны, как из гроба, и приблизила голову к луне, пытаясь вплотную разглядеть светило. И тут кто-то схватил ее за волосы и, вывернув голову, потащил внутрь. Она оказалась то ли внутри луны, поглотившей ее, то ли внутри богатырской хатки и стала куда-то падать. Так она и знала! Нет там никакого пола, это бездонный колодец. Она поглядела кверху: луна, как положено светила, сияла далеко вверху. Она догнала ворона: Загрей, кувыркаясь, но трепеща крыльями, пытаясь лететь, падал рядом с ней, она видела его невозмутимую птичью морду, увеличившуюся вдруг до размеров человеческого лица. Он молчал: не каркал и не разговаривал, и Елена тоже помалкивала. Она считала про себя. Успела сосчитать до сорока, и они ухнули в не жгущийся мягкий огонь. И тут она взорвалась, она все сознавала и видела, она сама была этим долгим взрывом. Барабанные перепонки лопнули, лопнули ее глаза, и кожа, натянувшись, лопнула и сошла с нее, руки и ноги отрывались и летели в разные стороны, волосы на голове вставали дыбом, и в каждую мельчайшую луковицу ее волос воткнули по иголке. Атомы и молекулы, нейтроны и нейтрино, миллиарды строительных клеток ее тела, жалобно пища, скатились в огненное месиво... и выскочили из огненной купели, обновленные, целые и чистые, взяли за ручки и сцепились по порядку, как положено.

И кто-то наподдал изнутри кулаком – изо рта, раздирая челюсть, кромсая десны, с отвратительным хлопаящим звуком выскочила наружу вставная челюсть и, булькнув, утонула в ванне. Елена, хватая ртом воздух, вынырнула из молока, вся мокрая и дрожащая, и заорала, как орут новые жители Земли.

«Дневные новости»

Клонирование различных живых организмов находит все больше приверженцев. В Великобритании продолжает проживать овечка Долли, у которой, по последним сведениям, уже имеется здоровое потомство. Но российские ученые-генетики тоже не дремлют. В институте приматологии, который находится в нашем городе, клонирован эмбрион орангутанга. Директор института В. Г. Миленин сообщает следующее: «Клонирование человекообразной обезьяны произведено исключительно в научных целях. Организм орангутанга очень схож с человеческим, и то, насколько жизнеспособным окажется клонированное животное, существенно образом повлияет, в частности, на медицину. Клонированные органы помогут спасти жизнь десяткам тысяч неизлечимо больных людей. Но наш институт, помимо прочего, занимается также вопросами геронтологии, есть наработки и в этом вопросе: скоро мы сможем омолаживать людей – не прибегая к клонированию исходного образца. Как? Это покамест научная тайна».

Ну а как будет развиваться эмбрион орангутанга, покажет время. Пока же он невероятно похож на человеческий зародыш.

*Алевтина Самолетова, Виктор Поклонский,
агентство «Национальный телефакт»*

Глава 3

Беспризорница

Кто-то зашил ей веки – ресницами. Она никак не могла продрать глаза. Во рту – если это был рот – все пересохло и саднило. Наконец она разлепила веки и сквозь узкие глазные щели увидела белый свет, и на этом белом свете были дверь, стол, вешалка и печка – отчаянно простые вещи. Она перевела взгляд и с ужасом увидела вблизи лежащую поверх смятого одеяльника руку, тонкую, как вица. Она взмахнула, пытаясь отбросить от себя эту чужую руку, и хилая эта ручонка послушно взметнулась кверху. Она зажмурилась, желая провалиться в тартарары, но не провалилась, а вспомнила про «котел омоложения». Она попыталась встать с кровати, но рухнула обратно: ноги, в отличие от рук, не слушались. Она набрала воздуха, который показался ей необычайно вкусным, и попыталась пошевелить пальцами ног и рук: шевелятся... точно отряд гусениц. Осторожно откинув одеяло этой чужой рукой, она увидела... Это было совсем голое, тощее, безгрудое тельце, очень юное и опять совсем чужое. Она застонала. Да что же это такое, мерзавцы, что они с ней сделали! Она медленно поднялась и встала на эти лживые ноги с выпиравшими коленками – кажется, держат, – и пошла этими подставными ногами к зеркалу, семь крохотных шажков. Ступни были маленькие и очень узкие, на пальцах шагающих ног – бледно-розовые ноготки. Наткнувшись на стену, она подняла глаза и хотела закричать, но не смогла, чужой крик застрял в горле: из зеркала на нее глядела тощая некрасивая девчонка среднего школьного возраста.

Второй раз она очнулась на полу и переползла на кровать, поскорее закинувшись одеялом. Она вся дрожала. Ей казалось, она сошла с ума. Может, это психушка? Она с подозрением взглянула на закрытую облупившуюся дверь. Нет, это не дверь дурки, это дверь на улицу, а она лежит на кровати в комнате бабушки Медеи. Никаких санитаров тут нет и в помине. Надо взять себя в руки. Да, и саму себя покачать... Она засмеялась – и не узнала своего смеха. Помолчав, она позвала себя: «Ле-на», – голос опять был не ее, детский, тонюсенький голосочек. Она заплакала. Она уже все поняла: конечно, это была она, Елена, только навсегда забытая, какие-то обрывки воспоминаний всплывали об этой школьнице, которая, оказывается, преспокойно жила внутри нее все ее взрослое время, как предпоследняя из семи матрешек. Сколько же ей теперь лет? Поди-ка узнай! Лет десять – одиннадцать? Или все двенадцать? Господи, что же теперь делать, как теперь жи-ить?! Она постаралась остановить истерику. Так вот как пропала бабушка Медея в 37-м году! Ее просто никто не узнал – до того она помолодела! Ай да бабушка, какую свинью ей подложила! Хотя, конечно, она сама во всем виновата, бабушка-то старалась: хотела сжечь книгу, сама она выудила ее из печки. Дура-дура, на что она теперь жить будет, как пенсию получать, кто же ее пенсию выдаст такой ссыкухе! Вот и все: проработала всю жизнь, думала, хоть на старости лет отдохнет, а теперь, выходит, опять работай! Да не работать ей придется, а учиться! Учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин и как учила когда-то коммунистическая партия. Да нет: в школу ее не примут – документов-то у нее нет, паспорт не годится, свидетельство о рождении... тоже, разве подделать свидетельство: исправить цифры? Надо будет попробовать. Но ведь нынешние свидетельства совсем другого вида бывают! Сколько у нее денег-то осталось? С собой рублей сто да дома тысяча – вот и все денежки, все в этот «котел омоложения» вбухала.

Тут Елена задумалась про другое: она никак не могла вспомнить, как очутилась в доме. Кажется, в ванне она потеряла сознание. Как только не утонула! Елена помнила, что выскочила из ванны как ошпаренная – и на этом всё обрывалось. Может, она перевалилась через край, упала на землю и в забытьи доползла до дому? По-прежнему не приходя в сознание? Хотя, чего ради искать разгадку такой ерунды, когда вот она – перед ней, вернее, в ней... самая загадочная загадка из всех загадок мира. И все другое сейчас совершенно не важно. А что важно? Надо

бы сообразить... Но голова не хотела больше работать – Елене хотелось спать, спать и только спать. И вообще больше не просыпаться.

Но она проснулась – потому что в дверь постучали. Может быть, стучали уже давно. Она молча, с ужасом смотрела на дверь, натянув одеяло по самые глаза. Дверь медленно отворялась. Она хотела совсем спрятаться под одеяло, но не успела, ее уже заметили. Тетя Оля стояла в дверях и смотрела прямо на нее. Помолчав, соседка кашлянула и спросила:

– А где Елена?

– Здесь, – глухо, из-под одеяла отвечала она.

– Где здесь? – строго продолжала соседка.

– Она уехала, – быстро поправилась Елена. – Далеко.

– Домой, что ли?

– Да, домой.

– А я думаю, чего не показывается третий день. – Тетя Оля подозрительно поглядела на нее. – А ты кто такая будешь? Чего морду прячешь?

Соседка двинулась от дверей напрямик к ней. Елена изо всех сил держала одеяло у глаз. Тетя Оля наклонилась и попыталась сорвать одеяло.

– Да чего это с тобой, – осердилась она. – Ты кто? А ну-ка быстро говори, не то милицию вызову!

Елена опамятовалась и медленно сдвинула одеяло на шею.

– Внучка я, тоже Лена, – пропищал за нее чужой голос, нагло выходявший из ее рта. Старуха, склонившись над ней, подозрительно всматривалась в ее лицо, потом сказала:

– А вроде она говорила про внука...

– Может, и не говорила про меня, – вякнул голос. – А я все равно есть.

– Ну ладно, – сказала старуха, – а чего лежишь? Болееешь, что ли? Чего закрылась?

– Зубы очень болят, – сказала Елена и почувствовала, что зубы и в самом деле болят нестерпимо: и зубы, и десны, она дотронулась рукой до зубов, попыталась их расшатать, вынуть челюсть, но ничего не получилось – зубы были настоящие, не вставные, ее собственные зубы, которые *опять* выросли. Ей захотелось провалиться сквозь землю. А настырная старуха все не уходила, выжидала чего-то.

– Вы за ведрами, наверно, пришли, – ляпнула Елена и испугалась: ведра-то, кажется, там остались, возле ванны с молоком, у богатырской хатки, а если старуха вздумает пойти туда...

– Да я узнала ведра свои, на веранде стоят. А чего это Елена одну тебя оставила? И мне ничего не сказала, что уезжает. Обычно докладается, просит цветы полить.

– Вызвали ее, – сказала, подумав, Елена. – Срочно. По мобильному телефону. Стряслось там что-то у ней. А цветы и я могу полить, что у меня, рук, что ли, нету?!

– А-а-а, – протянула старуха и, помолчав, добавила: – Может, тебе надо чего? Ты скажи. Ты ела ли чего?

– Ела, – сказала Елена.

– А то пошли ко мне, накормлю.

– Нет, спасибо, я не хочу.

Елена, чтоб вынудить тетю Олю уйти наконец, отвернулась к стене и даже глаза закрыла – и услышала, как скрипит дверь. Подождав немного, она подскочила к двери и заперлась на крючок. Надо было срочно действовать. Третий день, сказала тетя Оля, неужели она три дня тут валяется! Так Алевтина с Сашей, того гляди, ведь вернуться, если уже не вернулись! Кинутся искать ее! Ой-е-ей! Елена в изнеможении опустила на сундук. И как она на глаза им покажется?! Что она родной дочери скажет?! Никто ни за что, никогда ей не поверит. Придется теперь жизнь коротать бобылкой. И дочь она потеряла, и внука... Ой, дура стара-я! Нет, уже не старая. Хоть и дура. И не время себя казнить, раньше надо было думать! А теперь чего ж... Проба! Вот тебе и попробовала, хлебнешь горя-то с этой молодостью липовой. Побирושкой

станешь, беспризорницей, бомжихой на старости лет. Без куса хлеба останешься. Нет, нет и нет, надо что-то придумать, не может быть, чтоб выхода не было. Но сперва надо одеться, чего голяком-то бегать по избе. Вдруг она вспомнила про опухоль в левой груди и стала нащупывать ее – какая там, граждане, опухоль! У нее и груди-то не было, не то что опухоли! Елена всохотнула! Ну что ж, вот и вылечилась, хоть какая-то польза от пионерского возраста. Хоть про это не думать теперь. А сколько других забот! Господи! Лучше бы больной оставалась да старой – все же какая-то определенность. И потом, может, у нее и не рак был... Да что там не рак – теперь-то что уж обманывать себя: конечно, рак. Самый настоящий рак. Померла бы, как пить дать, не сегодня-завтра. А теперь будет жить и жить, жить и жить! Елена вдохнула в себя воздух, который проник, ей показалось, до самого доньшка легких. Хоть и без пенсии, хоть и без документов, хоть и побирушкой! Жить и жить! «Прибьют где-нибудь бездомную-то – да и дело с концом», – шепнул кто-то внутри. Почему – бездомную? У нее, слава богу, квартира есть двухкомнатная, хорошая. «А в квартиру-то тебя пустят?» – опять ядовито спросили изнутри. Но Елена махнула на старуху-вопрошательницу рукой. Пора было одеваться, чего сиднем-то сидеть. Еще придет кто-нибудь, не ровен час...

Ее вещи остались там, на крыше богатырской хатки. Елена подошла к сундуку бабушки Медеи, вытянула с-под низу пожелтевшее креп-жоржетовое платье с выгоревшими листочками, надела на себя: широко, конечно, подвязалась пояском, ничего, сойдет за третий сорт! Накинув на плечи шаль, валявшуюся на лавке, Елена вышла на улицу – и аж зажмурилась от ослепительного весеннего солнца. Голова закружилась, как после долгой болезни, – чтоб не упасть, она схватилась за подвернувшиеся ветки плюща, опутавшие веранду. Пошла потихоньку за дом, к обрыву, к богатырской хатке.

Приблизившись к дольмену, Елена оторопела: ванна с молоком была на месте, а старая раскидистая ива, росшая возле богатырской хатки, исчезла, будто корова языком слизала. Что же это, куда дерево-то подевалось? Если бы его срубили, остался бы пенек, но и пня не было, зато она увидела крохотный, от земли в один вершок, прутик. Елена зачем-то подергала прутик – и... выдернула. Она ничего не могла понять, потом решила, что, видимо, выплеснула как-то молодильную молочную смесь, которая попала на ствол дерева и на корни, – вот дерево и помолодело, так же, как она. А куда же девалась вертишейка? Бедная вертишейка! Несладко ей пришлось: Елена представила, как дерево вдруг стало со страшной скоростью расти книзу, листья сворачивались и исчезали прямо на глазах, так же, как ветви, р-раз! – и вертишейкино гнездо оказалось на земле, нос к носу со всякими опасностями. Елена внимательно осмотрела землю и обнаружила чуть в стороне, в траве, тоненькие скорлупки. Откуда скорлупа-то? Значит... значит, и птица помолодела! Еханный бабай! Вертишейка, к стыду своему, превратилась в яйцо, а яйцо, конечно, досталось на обед хищному ворону. Кстати, где он? А что же тогда стало с птенцами вертишейки, которые сидели в гнезде? Во что могли превратиться птенцы после того, как мать их стала яйцом, Елена даже думать не стала.

Молоко, застоявшееся в ванне, свернулось, не молоко уже это было, а чистая киммерийская простокваша. Куда же ее девать? Она сходила за ведром и принялась выплескивать простоквашу в обрыв, с глаз долой. А потом, поднатужившись, опрокинула ванну с остатками кислого молока, облив стену богатырской хатки, попало и внутрь, в круглое оконце. Елена заглянула во тьму. Ворон там, конечно, не летал. Она огляделась вокруг, даже позвала: «Загрей», – опять вздрогнув от звука детского голоса, который выходил из ее горла. Ворон не откликнулся. Елена стащила с крыши дольмена свою одежду и попыталась примерить: все оказалось велико, в штаны можно засунуть четырех таких «девочек», неужто она к старости из пигалицы превратилась в жиртрест, просто не верится. В трусах пришлось затянуть резинку, чтоб не свалились. Ничего не годилось для носки, но туфли-отопки пришлось обуть, хоть и широкие, но других-то все равно нету: до того, чтоб ходить босиком, она еще не докатилась.

Дома все сложила в полосатую сумку, не забыв сунуть туда же Медеину книгу; расчесалась без зеркала – она побаивалась глядеть на себя – и захлопнула дверь. Ключ оставила на прежнем месте, в дупле старой груши, которая уже отцветала.

С горы ее свез на своем «газике» Галактион, она сказала Елениной внучкой. Хорошо, что не пришлось спускаться вниз, километра три, считай, если не больше, на не привыкших еще к ходьбе новых ногах. Добравшись до города, Елена поехала напрямик к себе на квартиру. Только в хлебный заскочила по пути – брюхо-то подвело, молодой, растущий организм требовал пищи: купила буханку и принялась на ходу обгрызать коричневую корочку – вспомнились старые привычки!

Под окнами дома остановилась в нерешительности. Время было дневное, рабочее, никто из соседей ее не должен увидеть. Вот только соседка по площадке Тоня, тоже пенсионерка, все дни проводившая дома, могла застигнуть. Но чего уж тут размышлять, пора действовать. Елена быстро поднялась по лестнице на второй этаж, ключ у ней был наготове, открыть собственную дверь – секунда! Сунула ключ в замочную скважину – и была такова! Кажется, никто ничего не заметил. Ну, все, теперь можно передохнуть. Сверив идущие по телевизору передачи с написанными в программке, она определила, какое сегодня число. Алевтина с Сашей должны были вернуться именно в этот день! Рассиживаться опять некогда. Она сготовила поесть и только взялась за ложку, как услышала звонок. Звонил телефон. Но брать трубку было нельзя, она ответит не своим голосом, и на том конце провода ее не узнают. Скажут, в квартире чужой человек! Телефон опять зазвонил и звонил, с небольшими промежутками, не переставая. Потом резко замолчал. Елена, успев под телефонную трель наспех поесть, больше давилась, чем ела, стала собираться. Никто, кроме Алевтины, не мог так настырно звонить. Наверно, они уже приехали! На звонки она не отвечает, сейчас нагрянут сюда. У Саши есть ключ. Хорошо, если дочь звонила со своей квартиры или из корпункта, а если они уже в дороге, и звонила по мобильнику (хорошо, у ней дареный мобильник сломался). А может, из поезда звонит, может, они в пути еще, ничего с этим дебильником не поймешь! Елена огляделась: документы ей ни к чему, деньги сунула в карман. Подержала в руках сберкнижку – и бросила, все равно никто ей денег не выдаст, хоть и проработала она в сберкассе, на соседней улице, почитай, всю жизнь, и там еще оставался кое-кто из прежних сотрудниц, знавших ее, да какой в этом толк – теперь, когда ее родная дочь не узнает, не то что сослуживцы... Вот не перевела деньги на карту – теперь страдай! Драгоценности: тоненькое обручальное колечко, пару перстеньков (один с рубином, другой с аметистом), серебряную цепочку с кулоном (оправленный в рамку витого черного серебра кусок янтаря, мужнин подарок к сорокалетию), лежавшие в деревянной шкатулке, спрятанной на антресолях, – прихватила с собой. На черный день берегла, вот он и наступил, черный-то денечек. Надо взять какую-то одежду на смену, но какую? Выбрала на случай холодов – ведь неизвестно, придется ли вернуться когда-нибудь в собственную квартиру, – пиджак десятилетней давности, тогда она была еще не такая толстая... тьфу, какая же она толстая... худоба. Бегая по квартире туда да сюда, Елена промелькивала в трельяже, но старалась прямо в зеркало не смотреть. Но тут быстро подошла – чего уж теперь, все равно придется привыкать к себе... такой.

Из зазеркалья на нее глядело гладкое и чистое, без единой морщинки и складочки детское, чуть длинноносое личико с упрямым подбородком. Елена вспомнила: ведь ей исправляли неправильный прикус, она носила когда-то скобу, после чего подбородок перестал выдаваться вперед. В каком же это классе было? Но глаза смотрели совсем не по-детски, в них читался настоящий Еленин возраст, и оттого лицо казалось отталкивающим. Волосы оказались без химической завивки, не крашенные, золотисто-русые, густые, но короткие, как были у старухи. Елена поймала себя на том, что назвала себя, бывшую, старухой. Шестьдесят шесть лет... какая же старуха?! Никакая не старуха! Но детское личико в зеркале и упрямо выпяченный подбородок твердили: старуха, старуха! Медеино платье висело на ней мешком, из-под

подола торчали две палочки-ножки, ступни были повернуты носками внутрь, Елена, поглядев на свои ноги, поставила пятки вместе, носки врозь и отворотилась. Скорее всего, *она* даже еще не девушка.

Перед тем как выйти из квартиры, Елена поглядела в глазок: никого. Быстро захлопнула дверь снаружи и только стала поворачивать ключ, как услышала скрип и, обернувшись, увидела соседку Тоню, которая стояла на пороге своей квартиры и пристально глядела на нее. Ничего хорошего этот взгляд не предвещал.

– А ты кто такая? – спросила соседка, подходя вплотную и нависая над ней, – ну, конечно, она, кроме всего прочего, и ростом стала меньше, еще неделю назад они с Тоней были вровень.

– Квартирантка, – сказала первое попавшееся Елена, хотя уж кому, как не Тоне, знать, что она не пускает квартирантов, даже отдыхающих лет десять как перестала пускать, с тех пор как ее обворовали. Конечно, сейчас Тоня и вспомнила эту тысячу раз пересказанную ей историю, опять, мол, обворовывают.

– Ага, значит, квартирантка! А сумка-то у тебя Еленина! – заметила настырная соседка.

И зачем только она общалась с ней, вот ведь глупая, сидела бы дома, а не таскалась по соседям.

– Ну-ка, показывай, чего в ней! – Тоня одной рукой вцепилась ей в плечо, а другой в сумку, вот ведь стерва бдительная, пользуется тем, что сильнее ребенка.

– Не имеете права! – пронзительно запищала Елена. – Меня в магазин послали и дали эту сумку, чего вы щиплетесь, отпустите сейчас же, а то заору!

Последний аргумент странным образом подействовал, и соседка отпустила плечо, может, Тоня сама хотела орать, звать на помощь, а то, что предполагаемая воровка тоже хочет орать, сбило ее с толку. Елена, освободившись от соседских тисков, нарочно медленно стала спускаться по лестнице, хотя ей очень хотелось побежать. Она спиной, едва прикрытой креп-жоржетом, чувствовала недоверчивый Тонин взгляд. Перепрыгнув внизу через три последние ступеньки, Елена увидела входящих в дверь подъезда Алевтину и Александра: ой, как загорели! Следом шел замешкавшийся в дверях, верный оруженосец Витя Поклонский, правда, без камеры. Она вжала голову в плечи. Они переговаривались промеж собой, а на нее и внимания не обратили. Елена услышала Алевтинины слова:

– Я чувствую, что-то случилось.

– Не гони лошадей, Аля, – говорил Поклонский. – Ну что с ней может случиться?

Его взгляд равнодушно скользнул по ней, по той, с которой случилось, ох как случилось! Сейчас они встретятся с Тоней, и она им доложит про подозрительную девчонку с Елениной сумкой... Выйдя из подъезда, Елена пустилась бежать не разбирая дороги. Она-то пешая, они – на колесах: телевизионная «Волга» стояла неподалеку от подъезда, под платанами.

Елена постаралась убраться как можно дальше от дома. Вечерело. Она присела на край подвернувшейся скамейки, стоявшей под развесистой финиковой пальмой, со стволом, похожим на ананас, и стала думать, куда ей, бедной молодке, теперь деваться. Вот история: еще посадят за ограбление собственной квартиры, как малолетнюю преступницу. Хоть обратно в ванну полезай. А что это даст? Про то, как вернуть утраченную старость, в несгоревшей книге ничего не говорилось.

Скамейка стояла хоть и неподалеку от вокзала, но в укромном месте. Высокая железно-дорожная платформа заканчивалась ступеньками; перед глазами были перепутанные железно-дорожные пути. У низких семафоров зажглись круглые зеленые глаза. Елене даже на билет не хватало, разве только до ближайшего Краснодара, в один конец. А туда зачем? Кто там ее ждет? Мимо, набирая ход, работая черными лоснящимися локтями железных колес так, что никакому африканскому бегуну и не снилось, с грохотом и стуком, обдав ее пыльным ветром, пронесся поезд.

Елена протерла запорошенные глаза: рядом с ней, на другом конце скамейки, сидел непонятно откуда взявшийся гигантского роста господин, видимо, нерусской национальности: в огромной кепке-«аэродроме», надвинутой на самые глаза и завязанной под подбородком черными веревочками, которые были пришиты к краям, из-под кепки торчали во все стороны темные, довольно длинные, всклокоченные волосы, завивавшиеся на концах в крутые кудри. Господин (видать, из соседней республики) одет был в клетчатую рубаху, лопающуюся на выпуклой груди, и в синие спортивные штаны, разошедшиеся по всем швам и доходившие только до колен; а на ногах ничего – сосед по скамейке оказался бос. Елену потрясли его ступни, достававшие, ей показалось, до самых рельсов, как только поезд их не отдал. Прямо баскетболист какой-то! Да какой баскетболист – бомж. Елена потянула носом – но учуяла только тонкий аромат распускавшейся где-то азалии. Но бомж был настоящий громила. Елена отодвинулась на самый край. Ребенка-то всякий обидеть может. Тут он кашлянул так, что Елена подскочила, и повернулся к ней.

– Барышня! – произнес бомж громовым голосом, запрятанным в пустую бочку грудной клетки. – Милая барышня!

Лицо его показалось Елене настолько несообразным, что она как ошпаренная подхвати-лась и припустила что есть духу по направлению к вокзалу, боясь услышать за спиной топот чудовищных ног, но слышала только:

– Гражданка! Мамзель! Госпожа! Сударыня! Товарищ! Сестричка! Ученица!

Елена вбежала под крыло остановки, приютившее тучу возвращавшегося с работы народа, и дождалась вместе со всеми маршрутку.

Автобус проезжал мимо вокзала, она увидела в окно, сквозь вереницу людей, кипарисов, киосков, пальм, что скамейка у железнодорожных путей пуста. Громила-бомж исчез.

Елена доехала до Сочи, вышла на первой попавшейся остановке и побрела куда глаза глядят. Тут, увидев на углу киоск с пирожками, она поняла, как проголодалась, купила и пирожков, и хачапури, в магазинчике рядом – йогурт с кефиром и пошла, уминая пирожок, от Курортного проспекта вниз, к Зимнему театру. По правую руку осталась местная телестудия – место прежней Алевтининой работы.

Елена обошла здание Зимнего театра кругом. И с торца, чуть в стороне, увидела густые заросли бамбука. Она двинулась в глубину зарослей и обнаружила в середине бамбуковой рощицы небольшую полянку, как раз, чтоб уместиться человеку в лежачем положении. Тут валялась и упаковка из-под молочной продукции, и пустые водочные бутылки: знать, кто-то уже облюбывал это место до нее. Елена с опаской вглядывалась в бамбуковые джунгли, но никого не увидела. И бамбуковая листва шелестела так доброжелательно, и ей так не хотелось уходить отсюда, искать новое место ночлега. Здесь она была в центре города и в то же время в центре бамбукового леса. Она вдруг отчетливо вспомнила параграф из учебника «Ботаники», там говорилось, что бамбук за ночь вырастает на 30 сантиметров, в Китае существовала казнь: связанного человека клали плашмя на бамбуковые ростки, и они прорастали сквозь тело. Она достала спортивные штаны и, устроив постель из свитера, пиджака и штанов, легла, накрывшись Медеиной шалью. Если бамбук вздумает расти сквозь нее, она почувствует, не привязана ведь она к этому месту.

Глядя на оплывшую с одного края луну, видневшуюся сквозь молодую листву, Елена с тоской подумала, что завтра надо идти сдаваться в приемник-распределитель, с тем чтобы ее отправили в какой-нибудь детский дом. Нет, она не хотела быть уличной бродяжкой и опуститься в конце концов до уровня тех страшных существ, которые обитают возле вокзала. Что ж, детский дом так детский дом, сама виновата!

Проснулась рано от трелей дрозда, который распевал над самой ее макушкой, – свежей и хорошо выпавшейся, будто провела ночь в мягкой, теплой постели, а не на твердой земле.

Собрала свои вещички, отряхнулась и покинула свой бамбуковый ночлег. Елена вдруг поняла, куда идти: совсем даже не в детский приемник.

«Утренние новости»

Вчера в лесопарковой зоне города Сочи местный житель столкнулся в лесу с гигантской обезьяной, которая, по его словам, хотела напасть на него. Известно, что во время грузино-абхазского конфликта 1992 года обезьяны из Сухумского обезьяньего питомника разбежались, многие были убиты во время уличных боев. В питомнике содержалось около 3000 человекообразных обезьян. Часть обезьян, бежавших в горы, погибла от голода и холода, но оставшиеся приспособились к местным условиям. Жители горных селений в последнее время все чаще стали встречать их в горах.

Вот что думает об этом доктор биологических наук Г. И. Лорин: «Вполне возможно, что выжившие особи – мутанты. В восьмидесятих годах прошлого века в Сухумском заповеднике возобновили опыты по скрещиванию обезьяны с человеком, начатые еще в двадцатые годы, с тем чтобы вывести новую породу сильных людей, которые могли бы работать за двоих и воевать за четверых. По-видимому, некоторые из этих человекообразных перешли границу с Россией».

Главный лесничий господин Пеньков сказал по этому поводу следующее:

«Окрестности нашего города – самые северные в мире субтропики. Тут растут пальмы и кипарисы, замечу, посаженные людьми, но обезьян в наших субтропиках отродясь не водилось. Никакие обезьяны здесь не выживут. А мутанты – это просто сказки для глупых детей. Дорогие телезрители, приезжайте в наш город у моря, смело идите в горы и не бойтесь никаких обезьян. Людей надо бояться, а не горилл».

Алевтина Самолетова, Виктор Поклонский.

Южное бюро агентства «Национальный телефакт»

Глава 4

Вторая попытка

Сестра жила в высотке, на улице Донской. Елена нажала на звонок. Отворила дверь сама Клава, лицо у нее было опухшее, будто она рыдала неделю напролет. Уставившись на Елену, сестра с места в карьер спросила:

– Ты – ее внучка?

– Чья? – опешила Елена.

– Чья, чья – ее.

Елена, недоумевающая, кивнула. Главное, попасть в квартиру, главное, чтоб дверь перед носом не захлопнули.

– За документами послали? Жениться небось хочет. Сам-то испугался прийти, кобель, – продолжала Клава.

Елена начала кое-что понимать: Геннадий, Клавин сожитель, видно, нашел ей замену, что случилось, увы, не в первый раз, то есть Елена теперь, по Клавиной теории, внучка новой пассии Геннадия.

– Сколько ей лет-то? – спросила Елена, оказавшись в прихожей и ставя на пол сумку.

– Кому? – обернулась Клава.

– Ну не мне же... ей, новой бабе Геннадия твоего.

– А то ты не знаешь? Твоя же бабка-то, не моя! – отвечала сестра саркастически. – Ну, говори, зачем прислали? Документы небось забрать? Сам-то испугался, ребенка отправил, коз-зел...

Елена, выйдя из полутемной прихожей на свет большой комнаты, набрала побольше воздуха в легкие и сказала проникновенно:

– Клава, а... ты меня не узнаешь?

Сестра резко обернулась:

– Я тебе не Клава! А тетя Клава, – договорила она тише, нахмуренное лицо ее постепенно менялось, брови поползли кверху: – Нет! А чего мне узнавать! Я тебя знать не знаю...

– А помнишь, как я маленькая кусалась, один раз тебя в спину так укусила! – говорила тихо Елена, подходя к сестре совсем близко и снизу вверх глядя в глаза ей. – Баба Соня подбегает, как даст мне черешком вилки по зубам, вилка у ней в руках оказалась, – и выбила мне зуб, хоть и молочный, а кровь потекла, ты выхватила вилку и заорала: «Не убивай ее, бабаны, она больше не будет!» Помнишь, помнишь?

Клава, пятясь, наткнулась на стену и остановилась:

– Ты кто?

– А помнишь, – продолжала безжалостно Елена, – как мы: ты, твоя подружка Людка Мартыненко и я – на море пошли, меня, маленькую, еле с вами отпустили, приходим – а там штормина! Мы, дуры, на буну выбежали, а тут огромная волна – и меня той волной с самого конца буны снесло, а мне шесть лет только, я плавать не умею, чувствую, тону, и вижу, как ты на буне стоишь. Я кричу: «Клава, Клава!» – а ты стоишь и стоишь, не ныряешь за мной. И тут Людка Мартыненчиха нырнула и вытащила меня, а ты так и простояла на буне, не поплыла ты, Клава, меня спасать...

– Да кто ты такая?! – заорала Клава и перекрестила Елену три раза: – Сгинь, сгинь, сгинь, нечистая сила!

Но настырная девчонка не сгнула, а продолжала наступать на нее, Клава теперь пятилась вдоль шкафов, к другому углу комнаты, гостя же, как черт, выскочивший из табакерки прошлого, глядела прямо ей в душу своими такими знакомыми глазами.

– А помнишь, как тебя на Новый год Снегурочкой в школе назначили? – продолжала она про то, чего никто не знал и не помнил, и не мог помнить и знать, кроме одного только человека на свете, про то, что и сама Клава давно позабыла, и вот сейчас, словами, как клещами, вытягивала гостя забытое – из прошлого сюда, в сегодняшний день. – А у тебя костюма не было, – продолжала наступать на сестру Елена, – и баба Соня где-то достала белый, блестящий тулупчик, блестел, будто из снежинок сшитый, и ты в нем была такая красивая! Я ревела под кроватью, что у меня нет такой шубки. Ты была настоящей Снегурочкой, у всех костюмы из марли да ваты – а у тебя из белого снега. Но только это не снег оказался, а хуже – стекловата. Помнишь, как потом тебя прямо с елки в больницу отвезли, потому что все тело у тебя оказалось исколото, точно иголками, все в мельничих царапушках, помнишь? Мы пошли тебя в больницу проведывать, а ты вся зеленая – тебя всю зеленой измазали, помнишь? И я сказала, что ты в елку превратилась – из Снегурочки-то, и ты заревела, помнишь?

Далекое прошлое наскочило на Елену со стремительностью железнодорожного состава, оно грохотало, жило и болело в паре мгновений от этой самой минуты, стремясь и Клаву сделать соучастницей катастрофы.

– А помнишь, как мне стукнуло шестнадцать лет, – и ты повела меня в парикмахерскую стричься, у меня коса была толстая, пушистая, ниже попы, а у тебя была стрижка под мальчика, и мне такую же хотелось, а мне стричься запрещали, и тут меня обкорнали так, что только держись! Приходим домой – баба Соня, как увидела меня, так и заплакала, а потом и говорит: дуры вы, дуры, хоть бы волосы-то с собой забрали, мне на шиньон... Помнишь, помнишь?

Клава вдруг тоже заплакала, она опустила на подвернувшийся стул и сквозь слезы сказала:

– Никто, никто этого знать не может, кроме... Я, наверно, с ума сошла – но ты... как тебя зовут вообще?

Елена, обмякнув, опустила на пол и тоже заныла, обняв сестрины колени:

– Я же это, я – Лена! Поверь ты мне, Клава, это я. Пожалуйста, поверь, потому что, ежели уж ты мне не поверишь, то...

– Но как же... как это может быть? – оттолкнула ее сестра. – Не может такого быть! Откуда ты все это узнала, дрянь, а ну говори! Кто тебе рассказал? Сама она, да? Но зачем? И кто ты такая? И почему ты так похожа...

– Да не похожа я – это я и есть! Клавачка, милая, если бы ты только знала, что я с собой сделала!

Клава с силой притянула ее к себе и долго вглядывалась в Еленино детское лицо со взрослыми глазами, потом сказала:

– Ты... оттуда воротилась, да? Вон и платье у тебя не нынешнее... – Клава пощупала материал и установила: – Креп-жоржет. Это опыт какой-то научный, да? Машина времени?!

– Да нет же, Клава, это другое, я сама во всем виновата... да бабка Медея еще! У нее, змеи, книга была, и в этой книге написано про то, как вернуть молодость, вот я и вернула! Вот она я – вся перед тобой, пацанка пацанкой, и делай ты со мной что хочешь, потому что деваться мне, Клавдя, ну совершенно некуда.

– Постой-ка! – Клава бросилась к телефону и только хотела набрать номер, как Еленины тонкие пальчики миглом нащелкали знакомые цифры.

– Звони, звони, – сказала она. – Нет там никого. Потому что я – тут.

Из трубки доносились длинные гудки – Клава положила трубку и, обернувшись к ней, отшатнулась и даже закрыла лицо руками:

– Ой, Лена, боюсь я тебя!

– Да чего ты боишься-то? – обмякла Елена, услышав, что ее назвали по имени.

– Не верится мне что-то... И как с тобой теперь обращаться-то, не знаю – то ли как с маленькой, то ли как с ровней? И как ты решилась на такое? Ох, отчаянная ты и всегда такая

была... А я... Этот ведь случай-то, как ты тонула, – самое стыдное воспоминание моей жизни, если хочешь знать, никогда мы не говорили про это, я думала, ты и не помнишь совсем, а ты вишь какая – все-е помнишь...

– Перестань. Это я теперь помню. Ведь живая же я, не утонула. Еще и в ванну нырнула – и тоже выплыла. Интересно, а плавать-то я сейчас умею? Я лет в десять ведь только плавать научилась, после того случая... Надо бы сходить на море – проверить. Вода только холодная еще. Клав, может, ты меня чаем напоишь? Я бы и поела чего...

За ужином Елена подробно рассказала про «котел омоложения». Клава, охая и вскрикивая, слушала. Потом сестра потребовала книгу – и Елена с легким сердцем предъявила вещественное доказательство. Клава внимательно оглядывала и ощупывала книгу, для чего-то еще и понюхала пожелтевшие страницы, потом долго читала рецепт омоложения. Елена даже успела соскучиться. Она только теперь заметила, что может обходиться без очков: печатные буквы газетной обложки, в которую была обернута книга, что сейчас с пристрастием изучала сестра, будто тоже заново родились – четкими стали и ясными, любо-дорого читать составленные из них свежие слова.

А Клава, оторвавшись наконец от книги, прошептала:

– Лен, а нельзя и мне... попробовать?

– Почему же нельзя? – пожалала Елена плечами, она почти успокоилась. – Если ты хочешь... Хотя хорошего во всем этом пока мало, можешь мне поверить. Если, конечно, ты не больна каким-нибудь раком...

– Типун тебе на язык! У меня без рака знаешь сколько болячек – и давление, и стенокардия, и сахар вон в крови обнаружили. Не помнишь, что ли, звонила ведь я тебе.

– Помню-помню. Ну, давай, вдвоем-то веселее бомжевать...

– Ты знаешь что, – после раздумий сказала Клава, – ты, Лена, нормы все-таки не соблюла, вдвое больше всего положила и сильнее помолодела, чем нужно, всегда ты была неаккуратная, раздолбайка, ты и рецепты пирогов никогда не соблюдаешь, все на глазок сыплешь, вот и тут небось...

– Нет, я все по мерке клала, – запихивая в рот очередное печенье, говорила Елена.

– Значит, в этот раз всего будем класть вполовину. Тебе сейчас сколько лет?

Елена, покраснев, пожалала плечами. Клава засмеялась:

– Ладно. На вид лет десять – значит, мне будет двадцать. Я Генке этому, кобелю поганому, покажу еще, а то ишь, нашел себе молоденькую! Жениться вздумал. А со мной-то расписываться ни в какую не хотел, гад!

– А сколько ей лет-то, молоденькой? – второй раз за сегодняшний вечер поинтересовалась Елена.

– Только на пенсию вышла.

– А-а, – протянула Елена и так захохотала, что чуть не подавилась печеньем, и Клаве пришлось, как в детстве, изо всех сил хлопать ее по спине кулаком.

Строго говоря, ночь полнолуния прошла, луна убывала, и, скорее всего, «котел омоложения» уже не мог подействовать, надо было дожидаться следующего года, следующего месяца мунихион, и Елена нехотя сказала об этом Клаве, но той непременно хотелось попробовать.

– Не могу я, – вздыхала Клава, – ждать еще целый год, мне сегодня надо стать молодой, в крайнем случае завтра.

Делать нечего: поехали на Мацесту за серной водой, оттуда автобусом к Пластунской горе и – пешочком – в поселок. А там, как по дурному кругу, – опять к Галактиону за желчью черного барана. Клава вымолила желчи, сказав, что сестра для нее просила эту желчь, для лечения суставов, да пролила по дороге. Елена, стоя подле нее, почесывала голую ногу, молчала и озиралась по сторонам. Жена Галактиона вынесла им стакан с остатками бараньего добра.

А тети Оли Учадзе в саду не было, и ворота оказались на запоре, соседские ребятишки сказали, что она поехала в город, к дочке. Это было кстати, во-первых, она могла и не помнить Клаву – той пришлось бы доказывать, что она не верблюд, и потом, вдруг все получится: опять начнутся расспросы: кто они такие да чего им тут надо...

С пригорка, от дуба, Елена, размахивая ведром, стремглав помчалась к дому и остановилась, едва не врезавшись в калитку. Открыла ее и влетела во двор. Клава со вторым ведром и стаканом желчи тащилась где-то далеко позади.

– Ну ты и тыртыга! – сказала укоризненно сестра, приблизившись. Елена еще по дороге в поселок заметила, что дыхание у нее изменилось: стало легким, гора была ей, в отличие от Клавы, нипочем. Бедная Клава все время отставала от нее, она пыхтела, как паровоз, задыхалась, на каждом повороте останавливалась отдохнуть, хватаясь за сердце. А Елена не чувяла под собой ног, не чувствовала на себе тела, вроде не было у нее желудка, который болит после жирного, не ныло в груди, которой не имелось, а очищенная от взрослого вздора голова была свежей, точно бутон. И мир вокруг тоже казался совсем юным, только-только созданным и таким прекрасным, что защемило сердце. Никогда еще она не чувствовала себя так хорошо и даже отлично, ей хотелось петь и смеяться, только старой сестры было стыдно.

Клава уселась на лавку под грушей, сбросившей белый невестин наряд и покрывшейся строгой форменной зеленой листвой, отдышаться. После подошла к винограднику и попеняла Елене:

– Виноград-то у тебя не подрезан, смотри – плачет.

– Да не умею я, – сказала Елена, с сожалением глядя на виноградные ветви, с концев которых и вправду капали виноградные слезы. Она стояла с тачкой на изготовку – пора было отправляться за молоком.

– И не вскопала ты ничего, мне бы достался участок-то – так я бы все здесь в порядок привела, у меня бы земля не простаивала! – ворчала Клава. Елена помалкивала.

Когда Клава, вкатив в магазин тачку, попросила сто десять пакетов молока, – для конспирации Клава решила чуть изменить количество, – продавщица так и подскочила:

– Опять! Эти русские... Что вы, молочные реки, что ли, с гор пускаете?

Елена старалась делать все как следует, хотя и сомневалась в успехе, – поэтому она добросовестно вращала дубовый сучок, вставленный в отверстие заготовленной дощечки, пытаясь добыть живой огонь. Клава в этом деле была ей не помощница, она прокрутила через мясорубку остатки прометеева корешка, предварительно взвесив корень на аптекарских весах, которые прихватила с собой, – перед тем как выйти на пенсию лет двадцать назад, Клава служила в аптеке, отмеряя ингредиенты в миллиграммах. Елена попыталась внушить ей, что тоже взвешивала корень и положила ровно столько, сколько требуется, но Клава опять ей не поверила.

И в этот раз Елене удалось родить живой огонь, Клава со щепками стояла наизготове, и сестры быстрехонько растопили печь.

Ведра, наполненные молоком, стояли на плите, молоко вот-вот готово было закипеть. Убывающая луна любопытно заглядывала в раскрытое окошко. Вдруг какая-то тень занавесила луну, и на подоконник с порсканьем крыльев опустился ворон.

– Вот те и на! – обрадовалась Елена, подойдя к окну и осторожно проведя рукой по черной вороньей головушке. – Ну, здравствуй, пропащий! Конечно, разве без тебя тут обойдешься.

– Ой! – вскрикнула Клава. – Ой, кто это?

– Да Загрей, я ж тебе говорила, ворон Медеин. Он хороший. Только много из себя воображает. Любит представляться иностранцем. Загреюшка, а ты узнал хоть меня? Ведь я теперь не баба старая – девица!

Елена, босая, сделала неловкий книксен, прихватив бока своего поношенного платья моды 30-х годов прошлого века. Ворон щелкнул клювом, прошелся по подоконнику и внятно сказал: «Тхашерейпхум!»

– Чего это он? – удивилась Клава.

В это время молоко, стоявшее на плите, запузырилось и стало подниматься, норовя залить печку, пол, дом, землю. Клава вскрикнула и, обжигаясь, стала сдвигать ведра к краю плиты, расплескивая молоко. Елена бросилась ей помогать. Комната наполнилась белым паром и запахом подгоревшего молока. Ворон, каркнув, перелетел на вешалку. В конце концов сестры спустили ведра с кипятком на пол.

– Это все из-за него! – рассердилась Клава, дуя на обожженные ладони. – Сколько добра-то перевели. Хватит молока, как думаешь? Я ведь толще тебя... ну, той, которая раньше была. Кыш, а ну кыш отседова! – налетела она на ворона.

– Да ладно тебе, перестань, он не виноват, – сказала Елена. – А молока хватит. Не в молоке дело. Ну... не только в молоке.

Ворон, покосившись на Клаву, поднялся в воздух, каркнул и с шумом вылетел в окно, опять закрыв на мгновение золотой зрачок луны.

– Что же это за богатырская хатка-то такая, а? – спрашивала Клава. Сестры сидели на открытой веранде в ожидании, когда остудится вторая партия молока. Половина молока уже покоилась в ванне, которая осталась у порога богатырской хатки, перетаскивать ее на этот раз не было нужды.

– Это какая-то очень древняя постройка, кажется, времен египетских пирамид, – говорила Елена, пробуя пальцем молоко. – А для чего, зачем, кто эти хатки построил, неизвестно. Ученые не знают ответа.

– Зато теперь понятно, почему бабка Медея ни за что не хотела нас пускать сюда! – сказала Клава, тоже окуная палец в молоко. – Охраняла свою хатку, как волчица. Еще и с камерой заявили – всему свету показать ее секретное оружие.

Елена засмеялась, еще раз попробовала температуру молока и сказала серьезно:

– Ну, Клава, пора!

Сестры наполнили ванну молоком, Клава вылила туда желчь, настойку прометеева корня, отчего сразу запахло серой, Елена по пути сорвала цветущую ветку «доктора Фиша», яблоня стояла недалеко от дольмена, и принялась перемешивать молочную смесь.

– Ну, давай, Клава, ныряй! – сказала наконец Елена.

Клава, тяжело вздыхая, стала медленно разоблачаться, потом попросила:

– Ты бы отвернулась, страшная ведь я, толстая. Да и стыдно мне чего-то: в бане-то общей сто лет не бывала, все сама с собой моюсь, в ванне.

– Может, мне вообще уйти? – рассердилась Елена.

– Нет, нет, Леночка, не уходи, – испугалась сестра, – ты меня вытащишь, ежели что...

Вдруг Клава, полураздетая, вскрикнула и присела, указывая на край пропасти:

– Ой, Лена, там кто-то есть, подглядывает кто-то, чья-то голова высунулась! Ай!

– Да где? – Елена подошла к обрыву, легла на землю и заглянула вниз, но ничего, кроме блестящей внизу речки, не увидела – из пропасти несло кивсяком и сладко пахло цветами.

– Нет там никого! Чего ты! Давай скорей, а то луна сейчас за облако зайдет!

Клава стянула с себя исподнее, отдала одежду Елене, перекрестилась:

– Ну, с Богом!

– А вот это ты зря, – протянула Елена, – дело-то, противное природе и Богу, наверное, тоже.

Но Клава, не слушая ее, уже лезла неуклюже в молочную ванну. Погрузилась, но молоко не до конца покрывало ее, так что две груди и округлая верхушка живота с пупком торчали из белой молочной поверхности, как три острова, и голова была снаружи.

– Ты с головой, с головой туда ныряй, – командовала Елена, – а то тело помолодеет, а голова старушечья останется. Вот будет красиво!

Клава, зажав нос, сползла внутрь. Елена взглянула вверх, на золотой лунный глаз, висевший над горой, услышала отчетливый в разреженном ночном воздухе перестук скорого поезда, затем раздался всплеск – и Клава с громким «ах!» вынырнула из молока киммерийских коров.

Это была прежняя Клава, разве что рот ее был раскрыт широко и страшно.

– Ну, как? – выдохнула Клава, поднимаясь из ванны и оглядывая себя.

Молоко потоками стекало с распахнутых просительно рук, с жирных боков, обвисших грудей и живота. Она плюхнулась обратно и заплакала. Елена не знала, как ее утешить. Она пыталась говорить про будущее, про то, что год – это совсем немного, разве она не знает, как мчится теперь время, оно просто вскачь пустилось после шестидесяти-то лет, и не успеет Клава глазом моргнуть, как опять наступит месяц мунихион, а тогда уж они все сделают честь по чести: дождутся, когда луна располнеет, – и окунут Клаву в ванну с молодящим молоком. Представляешь, вот будет сюрприз для Геннадия, он враз пенсионерку свою забудет!

Но Клава была безутешна.

Когда сестры, опрокинув молоко из ванны в пропасть, вернулись в дом, Елена, боясь глядеть Клаве в глаза, принялась хлопотливо собирать на стол. Поставила чайник, подошла к окошку, спросила заискивающе:

– Закрывать, может, окошко-то, не холодно тебе: голова-то ведь мокрая?

Сестра не отвечала. Потом вздохнула:

– Может, я и не доживу до следующего года. Машина собьет или еще что.

– Да что ты ерунду-то городишь, какая машина?!

– Какая?! Любая. Мало, что ли, таких случаев, по телевизору вон говорили: в дорожно-транспортных происшествиях сейчас больше людей гибнет, чем от рака. Ты же знаешь, какая я невезучая, – возьму и не доживу.

– Да ладно тебе каркать...

– Конечно... ты-то теперь все-ех переживешь!

Елена замолчала: а ведь и впрямь! Она как-то про это еще не думала, не до того было. Теперь же она представила, что сверстники ее будут стареть, и лет через двадцать, кто раньше, кто позже, отправятся к праотцам, а ей через двадцать лет будет всего лишь тридцать, ну, или чуть больше. А если она, не дай бог, переживет дочку, которой уже сороковник, а ей-то теперь только десять! Она ведь младше собственного внука! Но если средство действует, то она всех своих близких может сделать молодыми... когда время приспее. Она не будет жаться, как Медея. В следующем году с Клавой – все станет ясно. А вдруг ничего не выйдет? Вдруг это случайно вышло и в другой раз не получится? И тогда Клава неминуемо умрет раньше нее... А потом и дочь... И никого-никого не останется из тех, кого она знает. Будут крутиться вокруг совсем чужие, не нужные ей нисколько люди, а она будет как перст одинока. Как бабка Медея, которой плевать было на них, чужих и негодящих, когда все любимые давно сошли в могилу. А может, опять появятся любимые, а этих всех она забудет, как сон?.. И ведь у нее останется Саша, внук. С Сашей-то они почти ровесники...

Мысли Елены прервала Клава, вздыхавшая:

– Сколько добра-то перевели, Лена! А где-то в Африке дети голодают, да и у нас ведь тоже, а мы молоко в пропасть льем! Верно сказала продавщица-то – полились молочные реки с гор! А денег-то, денег сколь извела на молоко это, почитай, всю пенсию, ох, старая я дура! А до следующей пенсии еще далеко, на что теперь месяц жить буду, не знаю...

Потом Клава решила с горя пропустить рюмочку-другую, и Елене – у тебя-то ноги молодые, сказала Клава с укоризной – пришлось бежать в магазин за бутылкой. Хорошо, что теперь не старые времена – всем всё продают, не смотрят, что до шестнадцати лет ребенку расти еще и расти.

Но пить Елена наотрез отказалась, только пригубила рюмочку: кто его знает, что с ней после выпивки будет. Клава же махнула несколько стопок водки, закусила российским сыром, охотничьими колбасками, грузинским лавашом – пропадать так пропадать! – и затащила «Взвейтесь кострами, синие ночи». Елена стала подпевать ей неокрепшим голоском – где Клава сбивалась, забывая слова, Елена ей подсказывала – она-то помнила песню, будто пела ее только вчера.

– Конечно, – пригорюнилась после пения Клава, – ты-то и теперь пионерка, а я... Тебя, морду, даже в комсомол бы не приняли...

– Не приняли бы, – подтвердила Елена.

Вдруг в незакрытое окошко влетел ворон и спланировал напрямик на стол, где стояла бутылка с водкой, чашки с недопитым чаем, рюмки и закуска. Ворон тут же стащил кусок лаваша и стал колотить им о стол, пытаясь раскрошить. Клава стала гнать его, но Елена заступилась:

– Не тронь, дай птице поужинать. Он в нашем застолье третьим будет!

Ворон, благополучно расклевав лаваш, принялся за сыр, но колбасы ему сегодня не досталось – Клава выгнала птицу с пира:

– Ишь ведь какой – чужое добро клевать! Мясца захотелось?! Лети вон да найди себе червячка!

Но ворон за червяком не полетел, а тяжело уселся на креп-жоржетовое плечо Елены, так что она, как весы, перевесилась в сторону отяжелевшего плеча, насмешив пьяную Клаву:

– Тебя теперь соплей перешибешь! Бараний вес в тебе теперь, ей-богу!

А Елена от ее слов почему-то вздрогнула. Ворон каркнул ей в самое ухо: «Тхечах! Обзэгу!» – и внимательно посмотрел круглым желтым глазом в ее старые глаза. Пошедшая вразнос Клава покатывалась со смеху:

– Обзэгу! Ой, я не могу! Обзывается еще, надо же – обзэгу! Где это ты так каркать выучился, а, воронок?

Елена, чтоб повеселить сестру, принялась читать из Медеиной книги рецепт исцеления от желтухи:

– «Возьмите пригоршню вшей, засуньте их в хлебный мякиш и съешьте этот хлеб за обедом. Сделайте так несколько раз – и желтая немочь оставит вас».

Клава захихикала, а Елена продолжала:

– Представляешь, Клав, заболела, например, ты желтухой...

– Типун тебе на язык! Почему я опять?

– Ну, хорошо, – я. Заболела я желтухой, как лечиться – знаю, теперь вопрос: где достать вшей? Ясное дело – на вокзале. Иду на вокзал, нахожу бомжа на лавке, – тут Елена вздрогнула, вспомнив вдруг бомжа-громилу, который готов был кинуться за ней, но, поскорее отогнав дурное воспоминанье, продолжила: – И начинаю к нему приставать: «Господин бомж, а господин бомж, дайте, пожалуйста, вошек! Я заплачу: рубль – штука!» Представляешь картину? Представляешь?

Клава хохотала и кивала, а разошедшаяся Елена дергала ее за руку:

– Нет, ты скажи, что он мне ответит? Он же решит, что я издеваюсь над ним! Или пусть по-другому: иду это я, желтушная, и вижу на вокзале цыганку и бегу за ней, не она уже ко мне пристает со своими гаданьями, а я к ней: «Дорогая цыганочка, не одолжите ли мне вшей на лечение? Мне много не надо – всего только горсточку!» Представляешь? Представляешь?

Сестры хохотали как полоумные. Ворон давно уже слетел с Елениного плеча и уселся на более удобную для него неподвижную, не говорящую, не смеющуюся вешалку. Клава, притихнув, рассказывала:

– Вспомнила я, как ты шапку свою с длинными ушами дала Гальке Зоновой поносить, у нее, мол, нету шапки, в первом классе вы учились, у них еще шестеро детей было, и мать

гуляющая, все шестеро от разных отцов. Ох, баба Соня и ругала тебя тогда! А у тебя, говорит, есть шапка? Ты сама ведь теперь без шапки – и уши отморозишь, и послала тебя к ним за шапкой. Делать нечего: пошла. Принесла. И набралась ты от этой Гальки вшей! Намазали тебе голову дустом, платком зеленым обвязали! Ничего не помогло – и обрили тебя тогда наголо, как призывника. А вначале обрезают твою золотую косу вместе с красненькой ленточкой атласной – ты не давалась стричься-то, баба Соня за тобой по всему дому гонялась с ножницами, за косу поймала – и отхватила. Потом уж и обрили! Вот ты выла-то!

Но вдруг Клава, сидевшая лицом к окну, заорала не своим голосом, а потом, будто кто заткнул ей рот дольменной пробкой, молча, с выпученными глазами, стала тыкать пальцем в сторону раскрытого окна. Ворон, каркнув, снялся со своего места и полетел в ночь. Елена, подбежав к окну, свесилась почти наполовину наружу, посмотрела во все стороны: никого, и кто там мог быть – окно высоко, дом ведь на сваях стоит, а никакой лестницы у стены нет. Клава же, обретя голос, запричитала:

– Лихо там, Лена, лихо!

– Никакого лиха там нет, – сказала Елена, хотя и ей стало страшновато. – Напилась ты, Клава, вот тебе и мерещится. Давай спать. А то хохочем на ночь глядя, как бы беды не выхотали.

Елена закрыла окошко на оба шпингалета и замкнулась на крючок. Перед тем как заснуть, спросила у Клавы:

– А где Лидка-то твоя, все хотела спросить, что-то ее дома не было?

– А-а... Она ведь парня себе нашла, Лена, да, хороший человек! У него теперь живет.

– Да что ты?!

– Да.

– Ну, слава богу, может, дождалась своего счастья.

– Дождалась, Лена, дождалась.

Ночью Елене снилось, что она скачет на вороном коне по узкой горной дороге, которая идет по самому гребню горы, копыта стучат как сердце, потому что дорога вымощена речным камнем-бутыком, ветви встречных деревьев хлещут ее по лицу, она пытается остановить коня, натягивает поводья, но конь, не слушая, мчится вперед и вперед, вон уже виднеется пропасть, она кричит коню: «Загрей, тпру, Загрей!» – и просыпается. Сердце и вправду колотилось так, будто кто-то молотком бил изнутри в грудную клетку. Не старая ли, смертельно больная тетка Елена – мать, бабка и брошенная жена – просится наружу?!

Она проснулась раньше сестры, та спала на кровати, а Елена приютилась у окна, на сундуке. Взглянув на Клаву, она почувствовала, как комок подступил к горлу: сестра спала без вставной челюсти – челюсть, бесприютная, лежала на обшарпанном подоконнике – и, спящая, казалась настоящей старухой. Лицо серое, щеки обвисли, она отпыхивалась, выдувая ртом утренний воздух. А ведь когда-то сестра была красавицей, куда там Елене, у нее всегда были только волосы хороши, пока не поседели, да глаза, а у сестры – миловидность черт, и вот теперь эти миловидные черты были так изуродованы старостью, что тошно становилось. Нельзя было глядеть без слез на этот вылепленный временем по образу своему и подобию образ.

Елена прокралась к зеркалу и украдкой заглянула в него, прикоснулась щекой к амальгамной поверхности: ее-то лицо было свеженьким, как наливное яблочко. Еще неделю назад, едва встав, она принималась чернить себе брови, подкрашивать глаза, наносить крем на щеки, теперь все это ни к чему, она теперь свободна от этой унылой необходимости. Она не чувствовала на себе лица, это лицо ребенка было маской, скрывавшей ее, настоящую, познавшую мужа, рожавшую, пожившую на свете женщину, и, разумеется, нельзя было трогать и уродовать эту маску детства, за которой она так хорошо укрылась.

Елена отправилась в сад умыться и вдруг увидела на мокрой, подле колонки, земле отчетливые следы лошадиных копыт. От колонки следы вели к дому и потом терялись в густой траве.

Тут же, в траве оказалась свежая кучка лошадиных «яблок». Вот народ, рассердилась Елена, распустили животных: многие в поселке держали коней, которые в хозяйстве давно уже не были нужны, одичали и носились по горам без всякого людского присмотра.

И вдруг Елена заметила, что с богатырской хаткой что-то как будто не так. Она подошла ближе: ей показалось, что каменная многопудовая крыша хатки надета набекрень, или она всегда была такой? Но тут она увидела возле дольмена, на обильно политой молоком влажной земле, еще следы: поверх отпечатков лошадиных копыт – два гигантских следа босой человеческой ступни! Елена, разувшись, погрузила свою ногу в этот глубоко отпечатавшийся в грязи след и сделала в нем ровно три лилипутских шажочка. («Лена, три лилипутских шага и один великанский», – скомандовал из их детства, из игры, внутри которой они находились, тоненький Клавин голосок.) Зачем-то она стерла эти человечьи следы, сровняв их с землей, и тут, в довершение ко всему, услышала звук машины. Кто бы это мог быть? Неужто... Она пошла к дому, на ходу вытирая грязную ногу об траву, и, обувшись, выглянула из-за каменной сваи: полицейский «газик» подкатил к воротам, а из «газика» вывалились Алевтина, Саша, Витя Поклонский, полицейский и двое в штатском: пожилой и молодой. Молодой, сразу видать, из начальников. Елена отшатнулась, прижавшись к каменной ноге дома. Почему полиция, зачем полиция? Ну да, она же пропала... Дочь подключила полицию к ее поискам. Начальство на ноги подняла! Молодец, девка, все сделает, чтоб родную мать сыскать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.